

ГЛАВА III

ЯЗЫК

§ 16. ФОНЕТИКА¹

Выше уже упоминалось, что изучение египетской фонетики, в частности египетских гласных, представляет большие трудности: во-первых, египетский язык — язык мертвый, известный нам только из текстов, во-вторых, для египетского языка, как и для других языков семитохамитской группы, характерна преобладающая роль согласных (гласные имели подчиненное значение и не выписывались). Для понимания фонетики египетского языка одним из важнейших опорных пунктов является фонетика коптского языка, в письме которого гласные обозначены. Хотя коптский язык — последняя стадия развития египетского — тоже мертвый язык, его фонетика исследована в достаточной степени. Но необходимо иметь в виду, что египетская фонетика в целом отделена от коптской фонетики многими веками, и закономерности коптской фонетики, конечно, не тождественны египетским.

Значительную помощь при изучении египетской фонетики оказывают встречающиеся в иероглифических и иератических текстах отдельные слова, известные нам из семитских языков, а также египетские имена и названия, которые упоминаются в имеющих огласовку клинописных текстах, в еврейских и арамейских источниках, в греческих папирусах, надписях и в сочинениях античных авторов. Эти материалы, однако, малочисленны (за исключением греческих данных, важных только для языка позднего времени) и при всей их ценности способны восполнить пробелы наших знаний лишь в очень ограниченных размерах.

Так как египетская фонетика нам доступна только в графическом облике, то необходимо рассмотреть ее алфавитные [88] графемы. Египетский «алфавит», о котором шла речь выше, состоит из 24 графем. Отдельные из них имеют алографы (варианты). Последние никакими фонетическими особенностями не отличаются от своих основных графем.

Общая фонетика классифицирует звуки по способу и месту артикуляции и по акустической характеристике. Определение звука станет исчерпывающим лишь тогда, когда оно будет содержать все эти три момента. Однако практически такое определение трудно применить к звукам мертвого египетского языка ввиду недостаточности наших познаний в его фонетике. Поэтому приведенная ниже классификация является лишь приблизительным описанием египетского консонантизма.

Таблица согласных

Место артикуляции	Биллабиальные (губно-губные)	Лабiodентальные (губно-зубные)	Дентальные (зубные)	Велопалатальные			Фарингальные	Ларингальные
				Препалатальные	Постпалатальные	Велярные		
Способ артикуляции								
Шумные спиранты (фрикативы или щелевые) смычные взрывные аффрикаты	<i>w</i> <i>b, p</i>	<i>f</i>	<i>z, s, š</i> <i>t, d</i> <i>ṭ, ḍ</i>	<i>i, j</i>	<i>h</i> <i>k, g</i>	<i>ħ</i> <i>ḳ</i>	<i>ḫ, ḥ</i>	<i>h</i> <i>ʕ</i>
Сонорные носовые боковые дрожящие	<i>m</i>		<i>n</i> <i>l</i> <i>r</i>					

¹ Все следующие ниже замечания ни в коей мере не претендуют на систематическое изложение истории египетской фонетики — это именно отдельные замечания и не более.

Эти сведения об египетском консонантизме следует дополнить замечаниями об отдельных графемах и отображенных ими фонемах.

 ʕ (алеф) — единственно возможный по условиям артикуляции глухой ларингальный смычный², так называемый «гортанный взрыв», часто встречающийся в семитских, а также и в несемитских языках. В арабском языке ему соответствует *ʾ* (aleph hamzatum), в еврейском *א*³. В [89] датском он называется *stød*, в немецком — *Knacklaut*⁴: нем. *Ab'art* (гортанный взрыв перед вторым *a*) ср. с *Bart*, где перед *a* гортанного взрыва нет.

Конечно, нельзя утверждать, что египетский и семитский алеф полностью тождественны, однако их близость не вызывает сомнений.

Уже в Текстах Пирамид выступают специфические особенности алефа: ʕ изредка может заменять *r*, причем смысл слова сохраняется. Например: *drt* "рука" = *dʕr*; *krs* "хоронить" = *kʕs*⁵. Во времена Среднего царства египтяне использовали ʕ для передачи семитских звуков *r* и *l*, стоявших в иностранных текстах между гласными и после них; об этом свидетельствуют так называемые «черепки проклятий»⁶.

В Текстах Пирамид иногда наблюдается опущение алефа в середине и в конце слова; начиная с текстов Нового царства такие факты встречаются чаще. Например: *ibʕ* "танцевать" = *ib*; *ʕbt* "жертвоприношение" = *bt*; *wʕʕ* "откармливать (скот)" = *wʕ*; *bʕgi* "быть утомленным" = *bgi* и т.д.⁷ Эти явления письма, несомненно отражают процесс количественной и, по-видимому, качественной редукции фонемы алеф. В коптском письме нет уже специального знака для алефа, но следы его в языке сохранились: наличие удвоенного гласного указывает на то, что в древности здесь стоял алеф или айн⁸.

 i; *j* (йод)

Прежде чем говорить о фонетической природе этого звука необходимо указать, что передающие его иероглифы транскрибируются по-разному.

В Берлинском словаре и в работах А. Эрмана в начале [90] слова транскрибируются через *i*⁹, в середине и в конце слова — через *j*; иероглифы и — всегда через *j*.

А. Гардинер и Г. Лефевр во всех позициях передают посредством *i*, и — посредством *y*. Э. Эдель оба знака (и) транскрибирует одним *j* (как фонограммы в текстах Древнего царства нет).

В дальнейшем мы передаем во всех позициях через *i*, — через *j*.

Знак как фонограмма появляется только в среднеегипетских текстах, причем он стоит здесь лишь в конце слов. Иероглиф в среднеегипетском языке встречается в середине и в конце слов, а в новоегипетском также и в начале слов, например: *jm* "море".

Транскрипционный египтологический знак *i* был принят для обозначения и потому, что египетское этимологически близко, с одной стороны, к протосемитскому йод (*i*), с другой, — к протосемитскому алеф (*ʕ*); ср., например, египетское "я" и еврейское *יָ* "я", начинающееся с алефа¹⁰. Эта близость несомненна и подтверждается множеством данных. Однако на

² Vergote, *Phonétique*, p. 70.

³ Gardiner, *Grammar*, § 19.

⁴ Ж. Марузо, *Словарь лингвистических терминов*, пер. с франц., М., 1960, стр. 80.

⁵ Edel, *Grammatik*, § 129; Wb. V, 63, 14.

⁶ Vergote, *Phonétique*, pp. 76, 110; E. Dévaud, *Permutation de r avec ʕ*, «Sphinx», vol. 12, 1904, pp. 123–124; *Correspondance de V. Loret*, — «Kêmi», Vol. 13, 1954, p. 22; A. Jirgu, *Bemerkungen zu den ägyptischen sogennanten «Ächtungstexte»*, — «Archiv orientální», vol. 20, 1952, pp. 167–169; P. Montet, *Notes et documents pour servir à l'histoire des relations entre l'ancienne Egypte et Syrie*, — «Kêmi», vol. 1, 1928, p. 23.

⁷ Edel, *Grammatik*, § 132; Vergote, *Phonétique*, p. 97; Sethe, *Verbum*, § 72–73.

⁸ Vergote, *Phonétique*, p. 90; W. Till, *Koptische Grammatik*, Leipzig, 1955, § 31–32.

⁹ Vergote, *Phonétique*, p. 125 — Знак *i* ввиду технических трудностей может транскрибироваться просто через *i*.

¹⁰ В эпоху Среднего царства при транскрипции семитского алефа египтяне действительно использовали свой знак (Albright, *Vocalization*, p. 31).

основании этого факта К. Зете без убедительных доказательств сделал очень спорный вывод о том, что египтяне использовали иероглиф для обозначения двух разных звуков — алефа и йода — в самом египетском языке¹¹. Для того чтобы предположение о двух различных фонетических значениях иероглифа в египетском языке превратилось в доказанный тезис, необходимо и достаточно одно условие: наличие в египетских текстах таких слов, в которых заменял бы алеф при сохранении значения [91] слова. Подобные факты до сих пор не отмечены. Наоборот, вплоть до Нового царства иероглифы и тщательно различаются в письме и никогда не заменяют друг друга. Зарегистрировано лишь одно исключение — вместо *ʒpd* "гусь" стояло *ipd*¹², которое ни о чем не говорит и может рассматриваться только как ошибка. Против мнения К. Зете и его последователей выступили некоторые ученые, в частности Ж. Вергот и К. Диров¹³.

Из Берлинского словаря египетского языка видно, что многие слова начинаются сочетанием , где эти иероглифы обозначают разные фонемы¹⁴.

Вполне достоверно, что имел звучание йод, т. е. был звонким препалатальным спирантом. Этот звук встречается как в семито-хамитских, так и в других языках, например им начинается французское слово *yeux* "глаза", кончается русское *зми́й* и т. д. Египетскому йод в еврейском соответствует *י* в арабском *ي*. Йод принято называть слабым согласным или полугласным, ибо он близок к гласному *i*¹⁵.

Начиная с текстов Древнего царства йод в начале, внутри и в конце слов иногда опускается, так вместо *ih* — просто *ht*, вместо *bik* — *bk* и т. д.¹⁶ Особенно часто он опускается в конце слов, например, если бывает третьим согласным глаголов *tertiaie infirmae*: *ir(i)* "делать", *gm(i)* "находить", *mr(i)* "любить" и т. д.

В коптском языке йод сохранился в виде *ϥ* или *ⲓ* (в зависимости от диалекта)¹⁷; например, египетское *it(f)* "отец", коптское *ϥⲓⲧⲧ*.

Следует сказать несколько слов о взаимоотношениях йода с другими согласными.

Во-первых, нужно отметить переход *r > i*, преимущественно в конце слов, наблюдающийся уже в Текстах Пирамид; например: *npr* "зерно" > *npi*; *mr* "как" > *mi* и т. д.¹⁸

Во-вторых, переход *ʒ > i*. Как упоминалось выше, вплоть до Нового царства алеф и йод тщательно различаются. [92] Начиная же с текстов Нового царства встречаются слова, в которых вместо древнего алефа стоит йод:

ʒsh "жаты" > *ish* *ʒms* "скипетр" > *ims*
ʒmm "хватать" > *im* *ʒh* "страдание" > *ih* и т. д.

Однако слово *ibt* "жажда", писавшееся через *i* уже в староегипетских текстах, на стеле Пианхи (XXV династия) стоит в виде *ʒb* (Urk., III, 9–10, Z. 15); такое написание Берлинский словарь не приводит. Эти факты говорят о том, что в новоегипетском языке четкие различия между обоими звуками начинают стираться, т. е. происходит процесс конвергенции данных двух фонем.

Наконец, уже в староегипетских текстах нередко наблюдается (в грамматических окончаниях) замена иероглифом и обратно.¹⁹

— (айн) — звонкий фарингальный спирант²⁰, которому в арабском соответствует *ع*, в еврейском — *א*. Четко отличается в текстах от ларингального *ʒ*, сохраняя свою индивидуальность.

¹¹ Sethe, *Verbum*, § 109.

¹² Vergote, *Phonétique*, p. 77; Sethe, *Verbum*, § 85.

¹³ Vergote, *Phonétique*, p. 77–79, К. Dyroff, *Ägyptisches j — der Tonsilbe in Koptischen*, ZÄS, Bd 48, 1911, Ss. 27–30.

¹⁴ Ср. «правила выделения фонем» в кн.: Н. С. Трубецкой, *Основы фонологии*, пер. с немецкого, М., 1960, стр. 55 (правило второе).

¹⁵ Gardiner, *Grammar*, § 128.

¹⁶ Edel, *Grammatik*, § 139–140.

¹⁷ Vergote, *Phonétique*, p. 63.

¹⁸ Edel, *Grammatik*, § 128.

¹⁹ Ibid., § 142.

Тем не менее в определенных условиях айн превращается в йод — в словах, содержащих фонемы *h* и *ḥ*; например: *s^ch* "благородный" пишется также *sih*, *ḥh* "сумерки" — *ihh*; *ṯh* "процеживать" — *ith*. Отмечены и случаи перехода *ṯ* > *r* в словах, содержащих *ḥ*. Наконец, изредка в текстах встречаются такие написания, как *i3š* "звать" (вместо обычного *ṯš*). Все эти явления указывают на известную количественную и качественную редукцию фонемы *ṯ*²¹. О том же говорят и некоторые данные демотических текстов: например, слово *ṯb* "рог" в демотических текстах пишется *3b*²².

В коптском алфавите нет специального знака для *ṯ*, но следы его в языке иногда нетрудно обнаружить; о его наличии [93] в древней форме слова можно догадаться по удвоенной гласной, например египетское *db^c* "палец" > **тннвс**. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в коптском алеф и айн уже совершенно не различались²³.

 (ваф) — билабиальный звонкий спирант. В еврейском ему соответствует **ו**, в арабском **و**. Этот звук встречается не только в семито-хамитских языках. Мы находим его, например, во французском слове *rouet* "прялка"; в английском слове *war* "война" и т. д. Как и йод, ваф обычно называют слабым согласным или полугласным, близким к гласному *u*. В коптском письме поэтому **ou** служит для обозначения двух звуков: полугласного ваф и гласного *u*; например: **ouwn** "часть", **ounoy** "час". Подобно йоду, ваф при письме может опускаться внутри слова и особенно часто в конце. Уже упоминалось, что йод и ваф нередко заменяют друг друга в грамматических окончаниях слов.

 h — глухой фарингальный спирант (как мы видели выше, звонким является айн). Ему соответствует в еврейском **ח**, в арабском **ح**.

 h — глухой ларингальный спирант, соответствующий еврейскому **ח** и арабскому **ح**.

 h — глухой велярный спирант, соответствующий арабскому **خ**.

 h — глухой постпалатальный спирант.

Поскольку все четыре перечисленные фонемы акустически близки друг к другу, они будут рассматриваться вместе.

Как видно из староегипетских и более поздних текстов, в ряде слов возможен переход *š* > *h*, например: *š3t* "групп" > *h3t*; *š3pt* "плохая погода" > *h3pt*; *šbt* "провода" > *h3bt*; *š^ck* "брить" > *h3k*; *šp3* "пуповина" > *hp3*; *šnm* "соединиться с..." > *hnm*, причем написание таких слов через *š* постепенно совсем выходит из употребления.

С другой стороны, уже в староегипетских текстах отмечены написания одних и тех же слов то через *ḥ*, то через *h*; это явление наблюдается и в текстах последующих эпох. Например: *hrp* и *ḥrp* "вести"; *hms* и *ḥms*, "колос"; *h3rt* и *ḥ3rt* "вдова"; *pšr-phr-phr* "окружать". Наконец, в текстах позднего и греко-римского времени *ḥ* очень часто передается через *š*, например: *hrp* "вести" *šrp*, коптское **шорп**^{SB}; *h(3)h* "спешить" > *šš*; *ḥpr* "быть" > *špr* коптское **шопс**^S; *ḥftj* "враг" > *šftj*, [94] коптское **шхт**^{SB}; *hm* "храм" > *šm*; *ḥnp* "грабить" > *šnp* и т. д.

Фонемы *h* и *ḥ* четко различаются в письме начиная со староегипетских текстов. Это различие строго соблюдается в иероглифических текстах греко-римского времени, написанных среднеегипетским языком, и в новоегипетских текстах. Однако в демотических текстах мы обнаруживаем совершенно определенную тенденцию обеих фонем к конвергенции: они заменяют друг друга в разных словах; например, наряду со старым *whr* "собака" встречается новое *wḥr*,

²⁰ В некоторых арабских диалектах эта фонема ларингальная, т. е. место ее артикуляции ниже. Конечно, мы не можем безапелляционно утверждать, что египетский айн был именно фарингальным, а не ларингальным, но это и не существенно.

²¹ E. Dévaud, *Sur la substitution d'un secondaire à un primaire*, — «Sphinx», vol. 12, 1909, pp. 107–110; E. Dévaud, *Encore un mot sur le nom du Nil*, — ZÄS, Bd 47, 1910, S. 163; J. Černy, *On the etymology of Coptic* **ⲗⲟ** «treasure», — ASAE, t. 41, 1942, pp. 335–358; A. Erman, *Assimilation des Ajin an andere schwache Konsonanten*, — ZÄS, Bd 46, 1909–10, Ss. 96–104.

²² W. Spiegelberg, *Demotische Grammatik*, § 4; Erichsen, *Glossar*, S. 3.

²³ W. Till, *Koptische Grammatik*, § 31–33.

коптское $\text{ou}z\text{op}^{\text{SB}}$; наряду со старым $wh\text{z}t$ "оазис" — новое whj , коптское $\text{ou}az\epsilon^{\text{S24}}$. В коптском эта конвергенция полностью завершилась, что видно из приведенных ниже данных.

Саидский диалект коптского языка передает египетские звуки h , h , h всегда через z ; звук h — через z или через w . Например: $w\text{z}h$ "класть" > $\text{ou}wz$; hnw "внутреннее" > $z\text{ou}n$; $di\text{ }^c nh$ "давать жизнь" > $\text{tan}z\text{o}$; $s^c nh$ "кормить" > $\text{ca}n\text{w}$ ²⁵.

В бохейрском диалекте египетские h и h переданы через h , а в ахмимском — через z .²⁶

⌋ — билабиальный звонкий взрывной смычный, в коптском алфавите **в**. Эта фонема в ряде случаев переходит в коптском языке в **м**, например bw "место" = **ма**; nb "каждый" — **ним**²⁷ и т. д. Возможно, это явление наблюдалось и значительно раньше²⁸.

Следует подчеркнуть очень интересную, но еще далеко недостаточно исследованную фонетическую близость b к n , прослеживаемую еще со времен Среднего царства²⁹.

Наконец, в коптском иногда наблюдается переход **в** > **ou**, например: t^cbo > $\text{to}^c\text{u}^c\text{bo}^{\text{B}}$ "очищать" (от древнего $dit\ w^c b$)³⁰. Этот переход происходил и в более древние времена, судя, например, по материалам демотических текстов: $sb\text{z}$ "звезда" — демотическое sw — коптское cio^cu^c ^{SABF}, где $b > w > \text{ou}^c$.

□ p — билабиальный глухой взрывной смычный, в коптском алфавите **п**. [95]

⌘ f — лабиодентальный глухой спирант, в коптском алфавите **ф**.

⌚ m — билабиальный носовой смычный, в коптском письме **м**.

В Текстах Пирамид m изредка переходит в w , например: $^c m\text{z}$ "быть горьким" > $^c w\text{z}$; иногда m переходит и в b , например: $wntm$ "есть" > wnb . Гораздо характернее, особенно для новоегипетских текстов, переход $m > n$, например в предлоге $m(n)$ " b "³¹. Новоегипетское m в коптском языке в ряде случаев выступает как **н**, например, префикс конъюнктива $mtw > \text{n}^c\text{t}^c$; $m\text{-dr}$ "когда" > $\text{n}^c\text{t}^c\text{er}$ - и т. д. С другой стороны, в коптском наблюдается замена древнего n через **м**, например: $h\text{z}nw > z\text{ou}^c\text{m}^c$. Наконец, следует отметить, что m в конце слова иногда полностью редуцируется, например египетское $\text{z}m$ "идти" — новоегипетское $\text{z}i$ — коптское w^c ³².

⌘ n — зубной носовой смычный, в коптском **н**. В некоторых случаях в коптском переходит **р**, например: $n\text{m}h\text{w}$ "бедный" > $\text{p}^c\text{m}z\epsilon$ "свободный"³³.

⌘ r — зубной дрожащий смычный, в коптском **р** (только в фаюмском диалекте древнеегипетское r превратилось в l , например: iri "делать" > il^c). Как упоминалось, для r характерны переходы: $r > \text{z}$, $r > i$ и $^c > r$. Фонема r в конце слов часто подвергалась полной редукции, а затем совершенно исчезла, например: hpr "быть" > hpi (греко-римское время), коптское $\text{wop}^c\epsilon^c$ ^S; hr "лицо" > коптское $z\text{o}$; "бог" > коптское $\text{no}^c\text{u}^c\text{t}^c$; предлог $r > \text{e}^c = \text{SBF}$, a^c ^{AA}₂.

l — зубной боковой смычный, коптское **л**. В демотическом письме имеется специальный знак для обозначения этой фонемы, но ни в иероглифическом, ни в иератическом письме такого знака нет. Замечено, что еще в староегипетских текстах фонема эта передавалась сочетанием двух разных фонем: zn , например в слове dlg "карлик"; nr , например в слове $s\text{z}l$ "доить", а также фонемами n , r или z ³⁴. В среднеегипетском наблюдается приблизительно то же самое; в новоегипетском для передачи l обычно служит стабильное сочетание nr , например в слове bl "снаружи" (коптское **вол**).

²⁴ W. Spiegelberg, *Demotische Grammatik*, § 3; Erichsen, *Glossar*, Ss. 97–98.

²⁵ W. Till, *Koptische Grammatik*, § 40–42.

²⁶ A. Blackman — H. Fairman. *The Myth of Horus at Edfu-II*, — JEA, vol. 30, 1944, p. 21.

²⁷ Ibid.

²⁸ W. Albright, *The Egyptian corresponsion of Abimilki prince of Type*, — JEA, vol. 23, 1937, p. 197, n. 2; Sethe, *Verbum*, § 210, 4.

²⁹ J. Clère, *L'ancienneté des négations à b initial du néoégyptien*, — MDAIK, Bd 14, 1956, Ss. 29–31.

³⁰ Vergote, *Phonétique*, p. 16.

³¹ Edel, *Grammatik*, § 124. Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 603.

³² Lefèbvre, *Grammaire*, § 36.

³³ P. Lacau, *Sur le ⌘ égyptien, devenant pen copte*, — «Recueil Champollion», pp. 721–732.

³⁴ Edel, *Grammatik*, § 130.

— z — зубной звонкий спирант, в староегипетских [96] текстах четко отличается от зубного глухого спиранта s (см. ниже), хотя изредка и отмечается смешение обоих знаков³⁵. Соответствует еврейскому ז и арабскому ز.

⊥ s — зубной глухой спирант, соответствует еврейскому ס и арабскому س.

Ко времени Среднего царства, о чем свидетельствуют тексты, происходит конвергенция обеих фонем: z оглушается, обозначающий ее иероглиф становится алогографом ⊥. Поэтому, если в транскрипции староегипетских текстов соблюдение различия между z и s обязательно, то начиная с текстов Среднего царства рекомендуется оба алогографа передавать просто через s (коптское с).

⊥ s̄ — зубной глухой спирант, коптское џ. В еврейском ему соответствует שׁ, в арабском ش.

Об отношениях этой фонемы к h и ħ говорилось выше.

⊆ k — взрывной глухой велярный смычный, которому в еврейском соответствует ק (коф), в арабском ق (коф).

⊆ k — взрывной глухой постпалатальный смычный; в еврейском ему соответствует ק (каф), в арабском ك (каф).

В египетском письме фонемы k̄ и k четко различаются.

⊆ g — взрывной звонкий постпалатальный смычный. Со времени Нового царства фонема g начинает оглушаться, и в некоторых словах k̄, k̄ и g заменяют друг друга (причем k̄ и k взаимозаменяются исключительно редко). Примеры:

1. Бывшее звонкое g — эквивалент глухого k̄: k̄nd "гневаться" — gnt (knt); Gbtjw "Коптос" > kbt; Gbb (имя бога земли) — kb̄, греческое κῆβ; gbb "поля" — kb̄b; gbgbt "лежать ниспровергнутым" — kb̄k̄bt (XX династия); gbgb "быть хромым" — kb̄k̄b (XXI династия).

2. Бывшее звонкое g — эквивалент глухого k: gʒw "быть узким" — kʒ; gʒbt "рука" — kbt; gʒbt "лист (растения)" — kb(kb); gʒš "стряхивать" — kš; gʒgʒw "изумляться" — kʒkʒ; gnn "сладкопахнущее" — knn; grg "основывать" — krk; gs "половина" — ks; gsʒ "склоняться" — ksʒ; gsf̄n (название минерала) — ksf̄n.

Такие написания, как k̄nd и knd, kb̄ и kb, k̄fdnw и kfdnw "обезьяноподобный (бог)" являются редкими примерами замены k̄ через k.

Если обратиться к данным коптского языка, то легко убедиться в том, что коптское г употреблялось лишь в словах греческого происхождения и что, следовательно, оно [97] никогда не выражало древнего египетского g. Последнее в коптском передавалось либо посредством б, либо х (в зависимости от диалекта). Например: gmi "искать" > бине^S, хми^B; gʒbt "лист" > бџџе^S, хџџи^B; gbi "быть слабым" > бџџе^S, хџџи^B. Древнеегипетское g изредка передавалось в коптском через к, например: gʒš "тростник" > каџ^{SB}. Во всех этих случаях оно передано глухими фонемами.

Египетские k̄ и k в коптском обозначены через к, х, б, х (в зависимости от диалекта), например: k̄rst "погребение" каисе^{SB}, k̄rr "лягушка" > кроур^S, хроур^B; k̄d "строить" > кџт^{SBAF}; k̄nd "гневаться" > бџнт^{SA}, хџнт^B; kʒm "сад" > бџм^{SB}; km "черный" > каме^S, хаме^B; kkw "мрак" > каке^S, хаки^B и т. д.

⊆ t — взрывной зубной глухой смычный, коптское т. Эта фонема в частности служила грамматическим признаком женского рода, например: sn.t "сестра" (sn "брат"). Хотя в староегипетских и среднегипетских текстах t регулярно выписывается, имеются весьма серьезные основания полагать, что как грамматическое окончание слов в status absolutus оно отпало еще во времена Древнего царства³⁶. В новоегипетском языке окончание t звучало, по-видимому, как ě.³⁷ В коптском окончание женского рода t совершенно исчезло, например: sn.t "сестра" > сџне.

³⁵ Ibid., § 116.

³⁶ Gardiner, *Grammar*, § 25; P. Montet, *Sur la chute du t final, marque du féminin*, — RE, t. 9, 1952, pp. 81–90.

³⁷ Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 130.

⇨ *d* — взрывной зубной звонкий смычный. Коптское **Δ** употребляется исключительно в словах греческого происхождения и поэтому не передает древнего египетского *d*. Последнее подверглось оглушению, и в позднюю эпоху истории языка его в ряде случаев заменило *t*, например: *db* "гиппотам" > *tb*, *dbn* "окружать" > *tbn*, *dbh* "просить" > *tbh*, коптское **тѡвѡ**; *dm* "точить" > *tm*, коптское **тѡм**^S; *dm* "называть" > *tm* и т. д. Словом, древнее египетское *d* в коптском передается через **т**.

⇨ *t* — глухой зубной (вроде русского *ч*); образовался в результате препалатализации древнего *k*, о чем свидетельствуют Тексты Пирамид, в которых наряду с древнейшими написаниями через *k* встречаются уже более поздние написания через *t*, например: *kbwi* "обе подошвы" > *tbwi*; *kw* "ты" > *tw*; частица *sk* > *st* и т. д.³⁸ В дальнейшем, начиная со Среднего царства, фонема *t* часто подвергается редукции, теряет [98] свойства аффрикаты и становится алофоном фонемы *t*, а графема ⇨ — алогографом графемы **Ⲁ**; например, суффикс 2-го лица женского рода единственного числа *t* — *t*, суффикс 2-го лица множественного числа *tn* = *tn* и т. д. При этом египетскому *t* в коптском соответствует **т**. В очень многих других случаях фонема *t* сохраняет свойства аффрикаты и в коптском передается через **х** и **ѡ** (в зависимости от диалекта), например: *tsi* "поднимать" > **хисѡ**^S, **ѡисѡ**^B; *t3m* "класть" > **хиѡѡѡ**^S, **ѡиѡѡ**^B; *trm* "моргать" > **хѡрм**^S, **ѡѡрем**^B и т. д.

⇨ *d* — звонкая зубная аффриката (вроде русского *дж*)³⁹; происходит в результате препалатализации от древнего *g* (процесс параллельный с препалатализацией *k* > *t*).

Очень часто *d* подвергается редукции, теряет свойства аффрикаты и превращается в *d*, которое затем оглушается, например: *dbt* "кирпич" > *dbt* (новоегип.) > **тѡвѡѡ**^S, **тѡвѡ**^B; *db3* "заменять" > *db3* > **тѡвѡвѡѡ**^S, **тѡвѡ**^B.

С другой стороны, звонкая аффриката *d* оглушается, превращаясь в глухую аффрикату, о чем свидетельствуют коптские соответствия, например: *d3d3* "голова" > **хѡх**^S; *d^cbt* "древесный уголь" > **хѡвѡѡ**^S, **хѡвѡѡ**^B; *d^rr* "искать" > **хѡр**^S; *dnw* "ток" > **хнѡѡѡѡ**^S, **хнѡѡѡѡ**^B; *dnr* "ветвь" > **хал**^B и т. д.

В египетском языке не было так называемых эмфатических звуков типа **ḫ, ḥ, ḫ̄, ḥ̄**, свойственных некоторым семитским языкам. Поэтому, строго говоря, нет египетских соответствий семитским эмфатическим звукам. Египетские *t* и *d* в семитских текстах передавались графемами, выражавшими эмфатические звуки, ибо фонетически они наиболее близко подходили к египетским. Так, например, египетское *d* передается семитским **ḫ** (**ḫ**)⁴⁰.

Как мы видели выше, в египетском консонантизме часты переходы одних звуков в другие. Сами египтяне отлично сознавали существование таких переходов и, что очень любопытно, отмечали эти переходы в письме. Их метод очень прост и остроумен. Он состоит в следующем: сначала писали графему, обозначающую тот звук, который переходит, а рядом с ней графему, обозначающую тот звук, в который переходит первый. Так, сочетание **Ⲁ** **Ⲁ** означало переход *r* > *i*; **Ⲁ** **Ⲁ** — [99] *k* > *t*; **Ⲁ** **Ⲁ** — *š* > *h*; **Ⲁ** **Ⲁ** — *3* > *j*. Например: **Ⲁ** **Ⲁ** *swi* "пить"; **Ⲁ** **Ⲁ** *h3t* "труп" и т. д.⁴¹ Переходы *r* > *3* и *l* > *3* графически не обозначались.

Остается сказать несколько слов об общих тенденциях развития египетского консонантизма (естественно, это можно сделать лишь в той мере, в какой они выявлены наукой)⁴².

Для того чтобы судить о таких тенденциях, совершенно неизбежно данные египетского языка рассматривать в сравнении с данными коптского.

Тенденция первая — оглушение звонких смычных (*b, g, d, ḏ*) и звонкого спиранта *z*. Оглушение фонемы *b* в конце слова наиболее ясно видно из бохейрского диалекта, например: *m^cb3* "тридцать" > **мап**^B (наряду с **маав**^{SA}₂, **мавѡ**^A); *sbt* "паразит" > **сип**^B (наряду с **сив**^S); *db^c* "опечатать" > **тѡп**^B (наряду с **тѡвѡвѡѡ**^{SF}, **тѡвѡѡ**^A₂); *hbi* "ибис" > **зип**^B (наряду с **зѡѡѡ**).

³⁸ Vergote, *Phonétique*, p. 34; Edel, *Grammatik*, § 111.

³⁹ С. Донич в статье «О звуковом потенциале двух египетских графем» («Советское востоковедение», 1958, № 6, стр. 85—88) предлагает вернуться к устаревшим чтениям *t* = *ts* и *d* = *dz* (ср. А. Erman, *Die Umschreibung des Ägyptischen*, — ZÄS, Bd 34, 1896, S. 62).

⁴⁰ Vergote, *Phonétique*, pp. 47—51.

⁴¹ Edel, *Grammatik*, § 111, 120, 134.

⁴² Vergote, *Phonétique*, pp. 118—119.

Примеры оглушения звонких смычных *g*, *d*, *ḏ* и спиранта *z* приведены выше.

Тенденция вторая — редукция ларингальных и фарингальных фонем (например, в коптском *ʒ* и *ʕ* больше не различаются и даже не имеют специальных графем). Исследователь египетской фонетики Ж. Вергот, указав на малую изученность этого процесса, сравнивает его с исчезновением ларингалов в индоевропейских языках (обнаруженных только в хеттском языке).

Тенденция третья — препалатализация (это явление имело место дважды). В результате первой, происходившей в Древнем царстве или ранее, велопалатальные *g* и *k* превратились соответственно в *ḡ* и *t̪*⁴³. Но процесс этот не был всеобъемлющим, и наряду с новыми звуками *ḡ* и *t̪* продолжали существовать древние звуки *g* и *k*. В результате второй препалатализации (неполной в Верхнем Египте и полной в Нижнем Египте), происходившей, по-видимому, в начале I тысячелетия до н. э., положение велопалатальных в коптских диалектах стало следующим: в диалектах Верхнего Египта четко различаются зубные и велопалатальные звуки, но не различаются глухие и звонкие; в бохейрском, наоборот, сохранилось четкое различие между глухими и звонкими, тогда как древнее различие между зубными и велопалатальными [100] стерлось⁴⁴. Это различие между глухими и звонкими в бохейрском, в частности, сказывается в том, что древние *t* и *t̪* нередко обозначаются как **ϑ**, а звонкие *ḡ* и *ḑ* как **τ**. Древнее *ḡ* в бохейрском иногда передается через **χ**, а *t̪* посредством **ϑ**.

Помимо этих трех тенденций, перечисленных Ж. Верготом, еще отмечается очень сильная тенденция к редукции конечных фонем *t* и *r* (о чем уже говорилось в связи с их описанием). Так, например, во время Нового царства звук *r* совершенно перестал звучать в предлоге *r* (*status absolutus*), превратившись в короткий гласный⁴⁵; в коптском языке этот предлог может быть обозначен короткими гласными — **ϵ**^{SBF} и **α**^{AA}₂. Здесь же необходимо указать, что в *status pronominalis*, т. е. с последующим местоименным суффиксом, предлог *r* и в новоегипетском⁴⁶ и в коптском сохраняет *r* — **ϵρο**. Редукция *t* и *r*, происходившая еще во времена Древнего царства, в коптском выражена очень сильно, например: *nfr* "хороший" > **ноуϑε**^S (но **ноϑρε** "хорошая"); *ntr* "бог" > **ноуτε**^S.

Как видно из всего сказанного, египетский консонантизм представляет собой многогранное, сложное явление, полностью далеко еще не изученное.

Однако гораздо больше трудностей стоит перед наукой в области египетского вокализма, так как в египетском письме не существовало специальных обозначений для гласных фонем.

Прежде чем приступить к рассмотрению сути вопроса, нужно сказать несколько слов о его истории.

Как известно, начиная с Ж. Ф. Шампольона египтологи долгое время утверждали, что египетская система имеет специальные знаки для обозначения гласных (а именно знаки *ʒ*, *i*, *ʕ*, *w*, *j*). Последними защитниками этого взгляда были Г. Масперо и Э. Навиль.

Диаметрально противоположной точки зрения держался К. Зете, чьи работы оказали огромное влияние на развитие египтологической филологической мысли. В течение многих лет он считал, что все египетское письмо обозначало лишь согласные звуки и что первые попытки вокализации могут быть обнаружены лишь в демотических текстах римского времени⁴⁷. [101] Позже он допустил, что групповое письмо (начиная с текстов Нового царства) содержит попытки вокализации письма⁴⁸.

Наконец, существует третья точка зрения А. Эрмана, по которой уже в староегипетских и среднеегипетских текстах *w* и *i* в конце слов иногда могли обозначать гласные⁴⁹. Эта гипотеза в самое последнее время нашла очень авторитетных сторонников в лице бельгийского ученого Ж.

⁴³ Ibid., p. 34.

⁴⁴ Формулировка Г. Юнкера (ibid., pp. 36–37).

⁴⁵ Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 48.

⁴⁶ Ibid., § 604.

⁴⁷ Sethe, *Die Vocalisation des Ägyptischen*, — ZDMG, Bd 77, 1923, S. 145 ff.

⁴⁸ K. Sethe, *Die Ächtung feindlicher Fürsten, Völker und Dinge auf altägyptischen Tongefäßdes Mittleren Reiches*, — APAW, Phil.-hist. Kl., 26, № 5.

⁴⁹ A. Erman, *Die Flexion des ägyptischen Verbuns*, — SPAW, Jg. 1900, S. 317 ff.

Вергота и американского египтолога и семитолога В. Тэкера⁵⁰. К ним примыкает и автор исследования об огласовке группового письма во времена Нового царства, известный семитолог Ф. Олбрайт⁵¹.

Первый вопрос, на котором нам надлежит сосредоточить свое внимание, заключается в следующем: на каком основании египтологи старого поколения, включая Г. Масперо и Э. Навиля, утверждали, что египетское письмо обозначало гласные звуки?

Имена царей династии Лагидов, с расшифровки которых началось чтение египетских иероглифических текстов, были известны из греческого перевода текста и содержали наряду с согласными гласные фонемы. Сопоставление иероглифов с греческими буквами привело к совершенно неопровержимому выводу: отдельные фонемы в этих именах переданы теми или другими иероглифическими знаками. Установлено было, что иероглифы ʾ (алеф), i, j (йод), ʿ (айн) и w (ваф) использовались здесь для передачи гласных. Этот факт и послужил основой для предположения о наличии в египетском иероглифическом письме специальных знаков для обозначения гласных; поэтому в старых фонетических транскрипциях египетских текстов фигурируют и гласные — a, i, u и т.д.

Однако, исходя лишь из данного факта, невозможно было создать строго последовательную и выдержанную [102] транскрипцию, ибо иероглифические знаки, якобы обозначающие гласные, оказались полифоничными, т. е.:

 = a, e, o;

 = a, e, o;

 = a (в дифтонгах ai, ia)

 = o

 = i

Возьмем, например, коптское слово **ран** "имя" египетское . Если бы в египетском письме указанные иероглифы во всех случаях действительно передавали гласные звуки, то слово «имя» писалось бы   или   и т. д., чего никогда не было. Можно привести огромное количество подобных примеров.

Закономерно возникает вопрос: почему же для обозначения гласных фонем египтяне использовали именно эти, а не какие-либо другие иероглифы? Ведь в иероглифическом письме не было знаков для гласных, все иероглифы обозначали согласные. Дело в том, что и среди согласных есть такие, которые в какой-то степени похожи на гласные. Знаки, передающие эти согласные, египтяне и избрали для обозначения гласных.

Для того чтобы принять это предположение, необходимо прежде всего отказаться от традиционной точки зрения, принципиально противопоставляющей гласные звуки согласным. Еще Ф. Ф. Фортунатов отмечал, что «различие между гласными и согласными сводится к различию в степени участия, какое принимает полость рта при образовании тех или других звуков, т. е. различие между гласными и согласными есть различие относительное»⁵². Акад. Л. Щерба и его последователи, а также видные лингвисты Ф. Соссюр и М. Граммон решительно отвергают деление звуков на гласные и согласные⁵³. «Отсутствие достаточно четкого акустического критерия для деления звуков на гласные и согласные дает основание делить звуки с акустической точки зрения не на эти две группы, а на "сонорные" и "шумные"»⁵⁴. Если в образовании гласных [103] участвует только голос, то отличительными признаками ряда согласных, наоборот, являются лишь разные шумы (при полном отсутствии голоса). Но есть и такие согласные, в образовании которых принимают участие и шумы и голос одновременно. Именно эта категория

⁵⁰ Vergote, *Phonétique*, pp. 17, 79; J. Vergote, *Vocalisation de l'égyptien?* — BIFAO, t. 58, 1959, pp. 1–20; J. Vergote, *Vocalisation et origine du système verbal égyptien*, — CdE, année, 31, 1956; T. W. Thacker, *The Relationship*, p. 31.

⁵¹ W. F. Albright, *The vocalisation of the Egyptian syllabic orthography*, New Haven, 1934.

⁵² Ф. Ф. Фортунатов, *Сравнительное языковедение* (курс лекций, читанных в МГУ в 1900–1902 гг.), — Избранные труды, т. I, М., 1956, стр. 102.

⁵³ А. А. Реформатский, *Введение в языковедение*, М., 1960, стр. 133.

⁵⁴ Л. Р. Зиндер, *Общая фонетика*, Л., 1960, стр. 108.

согласных приближается к гласным. Сюда относятся египетские алеф, айн, йод и ваф. Последние два звука, как мы видели, обычно считаются слабыми согласными или полугласными и близкими гласным *i* и *u*. Поэтому вполне понятно, что их использовали для обозначения гласных.

Остается сказать несколько слов об айн и алеф. Первый из них был звонким фарингальным, т. е. в его образовании наряду с шумом участвовал и голос. Уже Ф. Л. Гриффис много лет тому назад указал, что айн в какой-то степени близок к гласному *a*⁵⁵. Как пояснил Н. В. Юшманов, при артикуляции звука айн голос «настроен на *a*, *э*, *о*»⁵⁶.

Алеф в качестве самостоятельной согласной фонемы существует во многих языках. Тот факт, что в египетском языке во время Среднего царства, например, она использовалась для передачи семитских *r* и *l*, свидетельствует о ее независимом употреблении. С другой стороны, в ряде языков алеф тесно связан с гласными. Немецкий Knacklaut представляет собой «сильный приступ» гласного, находящегося в начале слова, а не самостоятельный согласный. Неотделим фонематически от гласного и так называемый *stød* датского языка, встречающийся только после гласного⁵⁷. Ф. Л. Гриффис высказал мысль, что алеф близок к гласному *a*⁵⁸. Это парадоксальное на первый взгляд мнение по сути дела правильно: безусловно, в египетском языке алеф не только был самостоятельной согласной фонемой, но в ряде случаев также играл роль «сильного приступа» гласного, по крайней мере на поздних этапах развития языка. Именно этой его особенностью и объясняется использование египтянами алефа для обозначения гласных.

Здесь уместно сказать, что с точки зрения Ж. Вергота, выражал не только самостоятельную фонему, но и «слабый приступ» в артикуляции гласных⁵⁹.

Огромный научный вклад берлинской школы египтологов, в [104] первую очередь А. Эрмана и К. Зете, состоит отчасти в том, что они воочию показали всю несостоятельность и беспочвенность гипотезы, по которой иероглифы, выражающие алеф, айн, йод и ваф, в основном обозначали гласные. Но как это нередко случается в пылу научной полемики, К. Зете зашел слишком далеко: он полностью отвергал все попытки найти следы вокализации в египетском иероглифическом письме (до демотических текстов римского времени).

Как известно, наряду с египетским консонантным письмом существовали и другие системы такого письма у семитских народов древности. Однако эти народы очень рано почувствовали неудобство полного отсутствия гласных в письме и старались в какой-то мере исправить положение. Так появился целый ряд попыток частичной вокализации консонантных алфавитов, попыток, вполне определенно установленных наукой⁶⁰.

При этом для обозначения гласных прежде всего были использованы уже существовавшие знаки, выражавшие согласные. Любопытно отметить, что в еврейском письме для передачи гласных стали использовать согласные алеф, йод, ваф и хе, т.е. почти те же согласные, что и в египетском. Поэтому вполне естественно и логично уже априори полагать, что одаренные египтяне не отстали в этом отношении от других народов.

В настоящее время можно согласиться с Т. Тэкером, по мнению которого исследование Ф. Олбрайта о вокализации группового письма «доказывает, что египтяне открыли принцип обозначения гласных внутри и в конце слова уже в середине XVIII династии и регулярно использовали его для передачи иностранных имен»⁶¹. Графемами, посредством которых они выражали гласные, являются: *ʒ* (= *a*, *i*, *u*); *w* (= *u*, *a*, *i*); *j* (= *i*).

Но если групповое письмо XVIII династии и более позднего времени применялось в основном для передачи гласных в иностранных словах, то можно ли говорить о вокализации египетской письменности вне группового письма во времена Древнего и Среднего царств?

⁵⁵ F. LI. Griffith, *A collection of hieroglyphs*, London, 1898, p. XII (далее — *Hieroglyphs*).

⁵⁶ Н. В. Юшманов, *Грамматика литературного арабского языка*. Л., 1928, стр. 7; см. также Vergote, *Phonétique*, pp. 72.

⁵⁷ Л. Р. Зиндер, *Общая фонетика*, стр. 171.

⁵⁸ F. LI. Griffith, *Hieroglyphs*, p. XII.

⁵⁹ Vergote, *Phonétique*, pp. 76–77.

⁶⁰ Т. Тэкер (T. W. Thacker, *The relationship*, pp. 7–12) приводит ряд, данных еврейского, угаритского, арамейского и других языков.

⁶¹ *Ibid.*, p. 16.

Т. Тэкер отвечает на этот вопрос положительно. Касаясь слабых согласных, или полугласных йод и ваф, он указывает на следующее, с точки зрения фонетики очень важное, [105] обстоятельство: данные фонемы в конце слога и после гласных теряют свой консонантный характер и удлиняют предшествующий гласный: $i + i = \bar{i}$; $u + w = \bar{u}$, $a + i = ai$; $a + w = au$, только в сочетаниях $u + i$ и $i + w$ консонантный характер у них сохраняется. Т. Тэкер отмечает, что подобные явления прослеживаются почти во всех языках и поэтому были, конечно, и в египетском. Однако не может быть такого правила, которое во всех случаях позволяло бы установить, когда графемы \imath и ω обозначают гласные, а когда согласные: каждый отдельный случай должен иметь свое конкретное обоснованное решение⁶². Допустимо лишь сказать, что в Древнем царстве гласные внутри слова не обозначались, а в Среднем царстве выражались лишь в иностранных словах. Конечные гласные редко отмечаются в текстах Древнего царства, чаще в текстах Среднего царства, но везде очень нерегулярно.

Таким образом, практически мы почти ничего не узнаем об египетском вокализме непосредственно из написаний египетских слов.

Вплоть до настоящего времени основополагающей работой об египетском вокализме является исследование К. Зете, с выводами которого совпадают и выводы Ф. Олбрайта, опубликованные им в небольшой статье⁶³.

Однако отдельные положения К. Зете оспариваются другими учеными. Совершенно необходимо также учитывать серьезные исправления и дополнения, которые внесли в выводы К. Зете польский филолог А. Смешек и бельгийский египтолог Ж. Вергот⁶⁴.

Метод выявления гласных египетского языка состоит в сопоставлении разных египетских слов (собственных имен, географических названий и т.д.), неогласованных в египетских текстах, с этими же словами, встречающимися в огласованных клинописных аккадских текстах из архивов Тель-эль-Амарны и Богазкёя (XV–XIII вв. до н. э.), в ассирийских (VIII–VII вв. до н. э.), нововавилонских (VI–V вв. до н. э.), греческих и коптских текстах. На основании всего этого [106] материала возможно восстановить вокализм египетского языка вплоть до XV в. до н. э.

Отправным пунктом исследования эволюции египетских гласных являются аккадские тексты XV–XIII вв. до н. э.

К. Зете сопоставил аккадскую форму имени египетского бога Хора (Hr) — $H\bar{a}ra$, с ассирийской формой $H\bar{u}ru$, а затем с греческой формой египетских теофорных имен, в которые составным элементом входит имя этого божества, и, наконец, с коптской формой его имени:

$$\begin{aligned} H\bar{a}ra > H\bar{u}ru > [\Psi\epsilon\nu] & \text{ — } \upsilon\rho\iota\varsigma > \text{ϣ}\omega\rho \\ & [\text{πετε}] \text{ — } \upsilon\rho\iota\varsigma \\ \text{'A}\theta\upsilon\rho > \text{ϣ}\lambda\omega\rho \end{aligned}$$

Отсюда получается следующая линия развития гласных:

$\bar{a} > \bar{u} > \bar{o}$. Но поскольку переход $\bar{a} > \bar{u}$ слишком резок и невероятен, К. Зете по априорным соображениям ввел еще промежуточное звено: $\bar{a} > \bar{o} > \bar{u} > \bar{o}$. Отмеченный выше переход греческого υ (ипсилон) в коптское ω подтверждается и многими другими данными; например: Παῶνι — паωне; Τύβι — тωве; Ἀβυδος — εωт, Τεντυρίς — нитентωре и т.д. Так как по схеме: $\bar{a} > \bar{o} > \bar{u} > \bar{o}$ звук \bar{u} древнее звука \bar{o} , то, согласно мнению К. Зете, ω после сонорных согласных m и n в коптских $\text{amo}\omega n$ и $\text{ano}\omega n$ (коптские формы имен египетских богов Амуна и Анубиса) древнее, чем ω (o). Однако эту гипотезу легко опровергнуть. Прежде всего следует отметить, что в аккадской и ассирийской клинописи нет звука типа o и клинописные материалы никаких сведений в пользу перехода $\bar{o} > \bar{u}$ дать не могут. Что же касается дальнейшего обратного перехода $\bar{u} > \bar{o}$, предполагаемого К. Зете, то с точки зрения фонетики он неправдоподобен⁶⁵.

⁶² Ibid., pp. 3, 31.

⁶³ K. Sethe, *Die Vocalisation des Ägyptischen*, — ZDMG, Bd 77, 1923, S. 145–207; W. F. Albright, *The principles of Egyptian phonological development*, — RT, vol. 40, 1923, pp. 64–70.

⁶⁴ A. Smieszek, *Some hypotheses concerning the prehistory of the Coptic vowels*, Krakow, 1936; J. Vergote, *Où en est la vocalisation de l'égyptien?* — BIFAO, t. 58, 1959, pp. 1–19.

⁶⁵ П. В. Ернштедт, *Египетские заимствования в греческом языке*, М.— Л., 1953, стр. 159, J. Vergote, *Où en est la vocalisation de l'égyptien?* — BIFAO, t. 58, 1959, pp. 3–4.

Мнение К. Зете о большей древности $\omega\upsilon$ в именах $\alpha\mu\omega\upsilon\eta$ и $\alpha\mu\omega\upsilon\tau$ по сравнению с фонемой ω в других коптских словах не разделяется современными коптологами, рассматривающими это $\omega\upsilon$ как явление, обусловленное предшествующими сонорными m и n ⁶⁶.

Весьма значительную роль во всех этих построениях К. Зете, как мы уже видели выше, играет подмеченный им [107] переход греческого υ (ипсилон) в коптское ω . Объяснение такому явлению предложил польский ученый А. Смешек, к которому присоединился и Ж. Вергот.

А. Смешек показал, что передача одной и той же гласной египетской фонемы несколькими греческими буквами связана с изменениями внутри греческой фонетики (описанными и систематизированными Е. Майзером). В силу этих изменений одна и та же греческая буква в разное время могла обозначать различные звуки. Так, например, до начала II в. до н. э. греческая омега обозначала долгое и открытое \bar{o} , тогда как греческий омикрон — короткое и закрытое o . К указанному времени эти различия стерлись⁶⁷.

Объяснение А. Смешека заключается в следующем.

Египетский широкий долгий гласный \bar{a} , засвидетельствованный в аккадских текстах XIV в. до н. э. (ср. *Hāra*) через несколько веков превращается в узкий гласный o . Ассирийская клинопись, не имевшая обозначения для этой фонемы, передает его как \bar{u} (ср. *Hūru*). Греки Египта во времена Лагидов обозначали эту фонему сначала через υ или, гораздо реже, через $\omega\upsilon$, так как греческая омега фонетически менее подходила для передачи египетской фонемы. Когда же υ (ипсилон) стал звучать как \bar{u} , а фонетические свойства греческой омеги изменились, то именно через омегу и передавался египетский узкий звук o ; в коптском ω также применялось для этой цели. Поэтому, например, в имени египетского бога *Hr* узкую фонему o после *H* греки сначала передавали через υ : [Ψεν] — $\upsilon\rho\iota\varsigma$, [Петε] — $\upsilon\rho\iota\varsigma$, $\acute{\alpha}\theta\upsilon\rho$, а позже через o : $\Omega\rho\varsigma$, коптское $\omega\upsilon\rho$. Иначе говоря, в схеме К. Зете: $\bar{a} > \bar{o} > \bar{u} > \bar{o}$ средние два звена нужно удалить и преобразовать ее в $\bar{a} > \bar{o}$ с последующим частичным изменением o после m и n в u .

Приблизительно такой же точки зрения придерживается и П. В. Эрнштедт⁶⁸.

Э. Эдель также признает переход $\bar{a} > \bar{o}$ ⁶⁹.

Наряду с длинным гласным \bar{a} египетский язык обладал коротким a . К. Зете показал это путем следующих сопоставлений:

аккад. *hatpi* (из имени *Amanhatpi*, егип. *Imn-htp* коптское [памр] $\omega\tau\bar{\eta}$ (название месяца); *mašši* (в имени [108] *Hāramašši*, егип. *Hr-ms*), греческое [ʼΑ]μᾶσις (из Геродота), [ʼΑ]μωσις (из Манефона), коптское $\mu\omega\varsigma^S$, $\mu\omega\varsigma^B$ "рожден".

Отсюда переход: аккад. $a >$ греч. a (передаваемое через α и $\omega >$ коптское o .

Путем аналогичных сопоставлений устанавливается наличие в египетском долгого гласного \bar{i} . В аккадских текстах имя египетского бога солнца R^c обозначено как *rīa* (например, в тронном имени Аменхотепа III — *Nibmuarīa*, егип. *Nb-mʿt-R^c*). В грецизированной форме египетских теофорных имен, содержащих в качестве составного элемента имя египетского бога солнца, мы находим греческое $\rho\eta$ или ρi . (копт. $\rho\eta$); например: в названии месяца *Meσopή* или *Meσop i* (копт. $\mu\epsilon\sigma\omega\rho\eta$), в собственных именах $\acute{\alpha}\rho\eta\iota\varsigma$, $\text{O}\omega\alpha\phi\rho\eta$, $\text{P}\epsilon\tau\epsilon\phi\rho\eta\varsigma$ и др. Из этих данных К. Зете выводит переход $\bar{i} > \bar{e}$. Однако, как отмечает Ж. Вергот, здесь имеется ряд весьма существенных исключений, так, в некоторых глаголах *tertiaie infirmae*, например: $\mu\iota\varsigma\epsilon^{SAA}_2$ "родить", $\chi\iota\varsigma\epsilon^{SAA}_2$ "поднимать", $\tau\iota^{SBFAA}_2$ "давать", а также в существительных, например: ρi "келья", $\text{P}\tau\epsilon$ "лук", коптское долгое i могло произойти лишь от египетского долгого \bar{i} , т. е. последнее не перешло в \bar{e} , а сохранилось как i .

Все же эти исключения несколько не опровергают вывода К. Зете о переходе $\bar{i} > \bar{e}$. Ж. Вергот приводит очень интересные данные, подтверждающие вывод К. Зете. Имя египетской богини Исиды в ассирийских текстах написано $\bar{e}š u$, в нововавилонских $\bar{e}š i 3$, что бесспорно свидетельствует о завершении перехода $\bar{i} > \bar{e}$ к VIII—VII вв. до н. э. По-гречески это имя писалось $\text{I}\sigma\iota\varsigma$ (или через η в теофорных именах $\text{P}\epsilon\tau\epsilon\eta\iota\varsigma$, $\Psi\epsilon\eta\eta\iota\varsigma$, $\acute{\alpha}\rho\sigma\eta\eta\iota\varsigma$). В коптском же — $\eta\varsigma\epsilon$. Таким образом, несомненно, что в это время египетский язык уже обладал гласной фонемой e .

⁶⁶ J. M. Plumley, *An introductory Coptic grammar*, London, 1948, § 14; G. Steindorff, *Lehrbuch der koptischen Grammatik*, Chicago, 1951, § 49; W. Till, *Koptische Grammatik*, § 54–56.

⁶⁷ E. Mayser, *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*, Berlin, 1923, § 97, 117.

⁶⁸ П. В. Эрнштедт, *Египетские заимствования в греческом языке*, стр. 157–160.

⁶⁹ Edel, *Grammatik*, § 151.

Существовал и переход $i > a$, на что указывают ассирийское *Putubišti* и греческое Πετουβίστις , а также название египетского месяца $k3-hr-k3$, которое в ассирийских текстах передано как *kuihku* (где египетское $hr-k3$ = ассирийскому *ihku*). В коптском названии того же месяца κ(ο)ⲓ — ⲁϢκ ассирийскому *ihku* соответствует ⲁϢκ ⁷⁰.

Наконец, наличие в египетском языке эпохи Нового царства фонемы *u* доказывается переходом $u > e$. Как уже упоминалось, одно из тронных имен египетского фараона XVIII династии Аменхотепа III — егип. *Nb-m3ct-Rc* — аккадские тексты Тель-эль-Амарнского архива передают в виде [109] *Nibmuarā*; здесь египетскому *m3ct* "истина" соответствует аккадское *mua*. По-коптски "истина" ⲙϵ ⁷¹. Другие примеры перехода приводят Ф. Каличе и Ф. Олбрайт⁷². Этот же переход засвидетельствован и в целом ряде слов Библии, передающих египетские оригиналы⁷³.

В основном выводы К. Зете и Ф. Олбрайта общеприняты, и серьезные исправления и дополнения А. Смешека и Ж. Вергота не меняют существа дела.

Итак, устанавливаются следующие конечные соответствия⁷⁴:

египетский язык Нового царства	коптский язык
\bar{a}	Ⲡ
\bar{i}	Ⲏ
a	Ⲑ
i	ⲗ
u	ϵ

Таким образом, изменение гласных в египетском языке произошло между XIII и VIII–VII вв. до н. э. Можно считать установленным, что египетский язык в эпоху Нового царства располагал тремя гласными фонемами *a*, *i*, *u*, а к VIII–VII вв. также и фонемами *o* и *e*. По мнению Э. Эделя, фонема *e* существовала в египетском языке еще во время Нового царства, хотя, как он сам признает, ее происхождение неясно⁷⁵. Б. Стрикер также полагает, что в египетском языке Нового царства была фонема *e*⁷⁶.

Однако все эти результаты египетской филологии еще очень далеки от выявления египетского вокализма в целом. Для достижения этой цели, т. е. для того чтобы из согласных скелетов египетских слов воссоздать полностью огласованные слова, необходимо знать правила дистрибуции гласных фонем в египетских словах, структуру слога, характер ударения и т. д. Так как египетская система письма [110] не имела специальных обозначений для гласных, то на пути к разрешению подобных вопросов возникают очень большие трудности.

Правила египетского слога выведены К. Зете.

Правило 1-е. В ударном слоге гласный открытого слога длинный, закрытого слога — короткий. Это правило общепризнанно, поскольку вытекает из совокупности всего материала. Например, египетское *ndm* "сладкий" — коптское ⲛⲟϥⲧⲙ̅ (*nū-t^em*) египетское *sdm.f* "слушать его" — коптское ⲥⲟⲧⲙ̅ (*sot-m^ef*). По мнению К. Зете, это правило действовало уже во времена I династии. Ф. Олбрайт полагает, что оно стало функционировать лишь после XIV в. до н. э.⁷⁷

Правило 2-е. Каждый слог и, следовательно, каждое слово начинается одним согласным. Это правило, провозглашенное К. Зете⁷⁸, как утверждает Е. Эджертон, никогда никем обосновано не было⁷⁹. В своем исследовании о вокализации К. Зете не повторяет его, говоря о правиле 1-м и 3-м, а в примечании упоминает о начальном гласном в слове, т. е. об исключении

⁷⁰ K. Sethe, *Die Vocalisation des Ägyptischen*, — ZDMG, Bd 77, 1923, S. 173, 191.

⁷¹ Ibid., Ss. 173–174.

⁷² F. Calice, *Zur Entwicklung des u-Lautes im Ägyptischen und Koptischen*, — ZÄS, Bd 63, 1928, S. 143; W. F. Albright, *The vocalization of the Egyptian syllabic orthography*, pp. 17–18.

⁷³ B. H. Stricker, *Trois études de phonétique et de morphologie copies*. II. *Les voyelles u et e en égyptien*, — «Ada orientalia», vol. 15, 1936, p. 6–10.

⁷⁴ Надо принять во внимание, что это сопоставление намечает лишь основную линию эволюции гласных. Естественно, существует и ряд исключений.

⁷⁵ Edel, *Grammatik*, § 16.1.

⁷⁶ B. H. Stricker, *Trois études de phonétique et de morphologie copies*. II. *Les voyelles u et e en égyptien*, — «Ada orientalia», vol. 15, 1936, p. 10.

⁷⁷ K. Sethe, *Die Vocalisation des Ägyptischen*, — ZDMG, Bd 77, 1923, S. 196; F. Albright, *Cuneiform material for Egyptian prosography*, — JNES, vol. 5, 1946, pp. 7–25.

⁷⁸ Sethe, *Verbum*. § 8.

⁷⁹ W. E. Edgerton, *Stress, vowel, quantity and syllabic division in Egyptian*, — WES, vol. 6, 1947, p. 17.

из этого правила⁸⁰. А. Гардинер в своей грамматике отмечает, что подобное исключение противоречит самому правилу. Он формулирует это исключение следующим образом: если при чтении кажется, что слово начинается не одним, а двумя согласными, то на самом деле перед этими согласными стоит короткий вспомогательный гласный, т.е. эти согласные относятся к разным слогам — первый согласный кончает первый слог, начинающийся кратким вспомогательным гласным, а второй согласный начинает второй слог. Например, египетское *nht* "быть твердым" — коптское **ⲛⲟⲩ** (^e*n-šot*)⁸¹.

Правило 3-е. Безударные слоги должны быть закрыты. Это правило, как указал Е. Эджертон, также не было обосновано. Т. Тэкер, Э. Эдель и в особенности Я. Штурм отвергают его⁸². [111]

Надо добавить, что в каждом слове есть только один ударный слог, который стоит на последнем или предпоследнем месте. Безударные слоги имеют краткий нейтральный гласный. Например: египетское *hrhr* "разрушать" — коптское **ⲩⲟⲣⲩⲣ** (*šor – š^er*); *hrhr.f* "разрушать его" — коптское **ⲩⲣⲩⲣⲩⲣⲩ** (*š^er – šō – r.f*)⁸³.

К коптскому языку эти правила применимы лишь со многими исключениями, что связано с разложением египетской системы вокализации. Согласно К. Зете, А. Гардинеру и Т. Тэкеру, этот процесс начался еще в эпоху Нового царства⁸⁴. По мнению А. Эрмана, Г. Ранке, Э. Эделя, Я. Штурма и Ж. Вергота, в египетском языке Нового царства редукция гласных развилась далеко не в такой степени, как в коптском⁸⁵. Ф. Олбрайт придерживается того взгляда, что редукция гласных перед ударным слогом восходит к древнейшим временам, а процесс редукции гласных после ударного слога очень затянулся⁸⁶.

Надо отметить, что В. Тэкер и Ж. Вергот предложили вполне конкретную вокализацию глагольных форм египетского языка (к сожалению, мы не в состоянии останавливаться здесь на этом сложном вопросе).

Подводя итоги всему изложенному, нужно сказать, что египетский вокализм далеко еще не изучен, и что многие выводы являются пока гипотетическими.

В заключение следует поставить вопрос о возможности фонологического исследования египетского языка. Основатель научной фонологии Н. С. Трубецкой указывает, что эта наука «само собой разумеется, должна использовать фонетические понятия... Фонетическое описание данного языка должно быть принято в качестве исходного пункта и материальной базы»⁸⁷. В свете этих высказываний, учитывая нашу совершенно недостаточную осведомленность в фонетике египетского языка, кажется преждевременным говорить о его фонологии.

Тем не менее все же не исключено, что применение тех [112] или иных методов фонологического исследования египетского языка может оказаться плодотворным.

§ 17. ЛЕКСИКА

Изучение египетской лексики, бесспорно, является одной из важнейших задач египетской филологии.

На первых этапах развития этой еще молодой науки лексикография, как ее отрасль не находилась на должной высоте. С одной стороны, вследствие превратного убеждения в том, что египетское иероглифическое письмо систематически обозначает гласные звуки, представления о структуре египетских слов были совершенно неверны. С другой стороны, из-за своей общей

⁸⁰ K. Sethe, *Die Vocalisation des Ägyptischen*, — ZDMG, Bd 77, 1923, S. 194, 202, n. 1.

⁸¹ Gardiner, *Grammar*, p. 429.

⁸² T. W. Thacker, *The relationship*, p. 324; Edel, *Grammatik*, § 217, 226, 245, 635; J. Sturm, *Zur Vokalverfluchtigung in der ägyptischen Sprache der Neuen Reiches*, — WZKM, Bd 41, 1934, Ss. 43–68, 161–179.

⁸³ Gardiner, *Grammar*, p. 429.

⁸⁴ K. Sethe, *Die Vocalisation des Ägyptischen*, — ZDMG, Bd 77, 1923, S. 180; Gardiner, *Grammar*, pp. 429–430; T. W. Thacker, *The Relationship*, p. 37.

⁸⁵ Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 133; H. Ranke, *Keilschriftliches Material zur altägyptischen Vocalisation*, — «Anhang zu APAW», 1910, S. 77; Edel, *Grammatik*, § 152; J. Sturm, *Zur Vokalverfluchtigung...*, — WZKM, Bd 41, 1934, Ss. 161–180; J. Vergote, *Où en est la vocalisation de l'égyptien?* — BIFAO, t. 58, 1959, p. 11.

⁸⁶ F. Albright, *Cuneiform material for Egyptian prosography*, — JNES, vol. 5, 1946, p. 25.

⁸⁷ Н. С. Трубецкой, *Основы фонологии*, стр. 21.

незрелости наука не могла разобраться в огромной массе наличных текстов и подвергнуть их подлинному анализу с точки зрения лексикологии. Поэтому в настоящее время словари Ж. Ф. Шампольона, С. Бёрча⁸⁸ и других, где египетские слова приведены в транскрипции с огласовкой, устарели. То же можно сказать и о семитомном словаре Г. Бругша⁸⁹, хотя в нем использован гораздо больший словарный запас и впервые привлечены материалы демотических текстов.

Единственным словарем египетского языка, соответствующим настоящему уровню науки, является большой словарь, составленный по поручению Немецкой Академии наук А. Эрманом и Г. Граповым при активном участии ряда ученых разных стран.

Этот словарь — незаменимое настольное пособие в исследовательской работе всякого египтолога-филолога, и поэтому необходимо хотя бы кратко описать его⁹⁰.

Составители словаря стремились охватить весь лексический материал (за исключением демотического), известный науке в то время, т.е. использовать максимальное количество иероглифических и иератических текстов. Последние привлекались только в иероглифической транскрипции. Все тексты переписывались небольшими частями на отдельные карточки. На каждой из них помещался отрывок текста — примерно [113] 30 слов. Таким образом, если какая-либо надпись содержала, например, 600 слов, то ее переписывали на 20 карточек. Каждую карточку размножали в 40 экземплярах, из которых десять откладывали. На остальных 30 красными чернилами подчеркивали одно из слов (на каждой карточке — новое). Кроме того, подчеркнутое слово выписывалось в правом верхнем углу карточки. В результате весь текст оказывался расписанным на отдельные слова. Карточки раскладывались по ящикам в алфавитном порядке. Подобный метод, во-первых, гарантировал исчерпывающее использование лексического материала всех обрабатываемых текстов; во-вторых, показывал значение каждого слова не изолированно, а в контексте, что особенно важно для исследований в области лексики⁹¹.

Основную работу при подготовке словаря провели 27 ученых, среди которых были виднейшие филологи: А. Гардинер, А. Эрман, Г. Грапов, К. Зете, Г. Юнкер и др. Каждый из них обрабатывал определенную группу текстов, например Г. Юнкер — тексты из храмов Эдфу, Дендера, Филэ, Эсне и тексты, найденные им в Гиза, Дж. Брэстед — тексты из Сиута и т.д. Большую часть текстов из русских собраний расписали А. Эрман и А. Гардинер.

Всего было составлено полтора миллиона карточек⁹². Так, лишь для регистрации разных случаев употребления предлога *m*, наиболее часто встречающегося слова, потребовалось заполнить 90 тыс. карточек; для предлога *n* — 45 тыс., для предлога *r* — 30 тыс., для предлога *hr* — 28 тыс., для слова *nb* "каждый" — 16 тыс. карточек и т.д.⁹³. Естественно, такая грандиозная систематизированная картотека представляет для науки бесценный клад: она не только дает возможность установить разные значения одного и того же слова в различных сочетаниях, но и указывает на его распространенность, время появления и исчезновения и т.д. Казалось бы, этот словарь должен быть безупречным. К сожалению, на самом деле получилось не совсем так.

Во-первых, в словаре имеется довольно много слов, значение которых не установлено. Такие слова большей частью встречаются в текстах лишь один раз (*hax* *legomena*), что крайне затрудняет определение их смысла.

Во-вторых, многие слова, в особенности различные термины, интерпретированы только приблизительно. [114]

В-третьих, вообще отсутствует целый ряд слов. Это объясняется в основном тем, что со времени выхода пятого тома словаря было открыто и издано много новых текстов, которые содержали ранее неизвестные слова. Однако пропущены и отдельные известные слова (например: *gnwtj* "скульптор").

⁸⁸ Этот словарь приложен к труду: K. Bunsen, *Ägyptens Stelle in der Weltgeschichte*, Bd I–V, Hamburg, 1845–1857.

⁸⁹ H. Brugsch, *Hieroglyphisch-demotisches Wörterbuch*, Bd I–VII, Leipzig, 1867–1882.

⁹⁰ Более полно история словаря освещается в брошюре Германа Грапова (H. Grapow, *Das Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Zur Geschichte eines grossen wissenschaftlichen Unternehmens der Akademie*, Berlin, 1953).

⁹¹ Gardiner, *Onomastica*, vol. I, p. XIV.

⁹² Ibid., p. XII.

⁹³ H. Grapow, *Das Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Zur Geschichte...*, S. 47.

Таким образом, несмотря на всю свою огромную ценность, словарь в настоящее время не может рассматриваться как исчерпывающая по полноте сводка всего известного лексического материала. Вот почему исследования в области египетской лексики имеют большое значение для дальнейшего развития египетской филологии. «Мы еще далеко не достигли того уровня знаний, когда значение каждого египетского слова может быть провозглашено *ex cathedra* и поэтому всякому ученому, проработавшему в этой области хотя бы пару лет, должна быть предоставлена возможность проверить, если он это считает нужным, правильность лексикографических взглядов своих учителей»⁹⁴.

Исходя из подобных соображений (еще до высказывания А. Гардинера), составители Берлинского словаря дополнили его пятью томами так называемых *Belegstellen*, т.е. ссылками на некоторые (правда, лишь очень немногие по сравнению с использованными) тексты, на основании которых определялось значение того или иного слова. Этим самым составители словаря хотели дать возможность каждому, кто того желал, самому проверить смысл интересующих слов.

Ценным дополнением к словарю служат исследования в области египетской лексики, опубликованные в виде отдельных статей и заметок в специальных египтологических и востоковедных журналах, а также приложенные к некоторым изданиям текстов списки упоминаемых слов (таков, например, список слов к фрагментам литературных папирусов Р. Каминуса)⁹⁵. Почти в любом вновь открытом тексте, в том числе и в изданных Р. Каминусом фрагментах, встречаются ранее неизвестные слова, значение которых в ряде случаев остается для нас неясным.

После этих предварительных замечаний обратимся к рассмотрению египетской лексики. Каждое египетское слово может быть либо словом-корнем, т.е. может иметь форму, не отличимую от последнего, либо быть производным от корня, т.е. его форма образуется путем прибавления к корню префикса, суффикса или каким-либо другим способом. Хотя обычно термин «слово» употребляется для обозначения и [115] корней и производных слов, понятия «слово» и «корень» не тождественны: египетский словарь содержит приблизительно 3200 корней, от которых происходит около 16 тыс. слов, относящихся к разным периодам истории языка.

Приводимые Г. Граповым статистические данные весьма интересны для характеристики словарного состава египетского языка⁹⁶.

Слова одногласного корня ⁹⁷	60
Двусогласные корни	380
Трехсогласные корни	2234
Четырехсогласные корни	450
Слова пятисогласного корня	125
Слова шестисогласного корня	30
Итого	3279

Как показывает таблица, в египетском языке число трехсогласных корней намного превышает число всех остальных. Эти слова составляют основу египетского словаря.

Слова одногласного корня включают 30 слов мужского рода и около 30 женского; к ним относятся также некоторые частицы. Среди двусогласных корней имеется около 20 таких, в которых оба согласных звука тождественны, например: *mm ḥḥ* и т.д.; от них происходит около 65 слов. Корни подобного типа представлены и в коптском языке, например: **ḳḳ** "множество", **ḳḳḳ** "воробей".

Наиболее распространены трехсогласные корни, в которых все три согласных звука различны, например: *sḏm*. Наряду с ними имеются трехсогласные корни других типов, как, например *nḥn*, где тождественны первый и третий звуки; таких корней насчитывается около 60 и к ним восходит около 95 слов; корней типа *bḥḥ* с одинаковыми вторым и третьим согласным несколько больше — примерно 165, от них образовано около 380 слов (ср. коптское **krour** "ля-

⁹⁴ Gardiner, *Onomastica*, vol. I, pp. XIII–XIV.

⁹⁵ R. Caminos, *Literary Fragments in the Hieratic Script*, Oxford, 1936.

⁹⁶ H. Grapow, *Zur Wortbildung des Ägyptischen*, — «Miscellanea Academica Berolinensia», 1950, Ss. 61–69.

⁹⁷ Так как одногласных, пятисогласных и шестисогласных корней очень мало, в этих рубриках слова и корни объединены. Все цифры приблизительны.

гушка"). Трехсогласных корней типа *ssf*, где первый и второй звуки тождественны, примерно 25; от них происходит около 30 слов.

Четырехсогласные корни также могут быть разных типов: имеется около 85 корней типа *hsmn*, в которых все четыре согласных звука различны, к таким корням восходят около 250 слов; существует около 80 корней типа *tpnn* с одинаковыми [116] третьим и четвертым согласными, от этих корней образовано около 100 слов. Отмечены корни типа *ʒgʒg* с тождественными первым и третьим согласными; типа *nhmn*, с тождественными первым и четвертым согласными; типа *hnbn*, с тождественными вторым и четвертым согласными; типа *innk*, с одинаковыми вторым и третьим согласными; типа *bbnt*, где совпадают первый и второй согласные. К четырехсогласным корням относятся еще около 170 редуцированных корней, т.е. таких, в которых первые два согласных удвоены — типа *fdfd*, *mnmn* и т.д. В основном это глаголы. В группу четырехсогласных корней следует включить, наконец, и трехсогласные корни с префиксом каузатива *s* (глаголы) и с префиксом *m*.

Среди немногочисленных пятисогласных корней и слов имеется приблизительно 25 таких, где все пять согласных различны. Остальные пятисогласные корни и слова состоят из четырехсогласных редуцированных корней с предшествующим префиксом, например: *hbrbr*, *nhmhm*.

Что же касается шестисогласных корней и слов, то их насчитывается не более тридцати, и почти все корни имеют шесть различных согласных. Корни этого типа относятся к наиболее древним периодам истории языка.

Значительную роль в образовании слов играют префиксы. Так, например, при помощи префикса *m* образовано (преимущественно от глаголов) около 140 существительных⁹⁸; префикс *s* придает глаголам форму каузатива. Менее важны префиксы *n* и *h*.

Помимо простых слов, в египетском языке существовали также и сложные слова, представляющие собой сочетание двух слов. Особенно распространены конструкции следующего типа⁹⁹.

1. С начальным словом *tp* "голова": *tp + rʒ* "рот" = *tp r* "слово"; *tp + rd* "нога" = *tp rd* "предписание"; *tp + hsb* "счет" = *tp hsb* "счет", "точность"; *tp + nfr* "хороший" = *tp nfr* "правильный образ действия"; *tp + mtr* "точный" = *tp mtr* "точность".

2. С начальным словом *st* "место". Как указывает А. Гардинер, оно обычно сочетается с названиями частей человеческого тела¹⁰⁰. Например: *st + rʒ* "рот" (об искусных [117] устах); *st + ib* "сердце" = *st ib* "любимец"; *st + hr* "лицо" = *st hr* "наблюдение", "надзор"; *st + rd* "нога" = *rd* "местоположение", "положение (при дворе)"; *st + drt* "рука" = *st drt* (в выражении *rh st drt.f* "знающий место руки своей", т.е. "ловкий", "искусный").

3. С начальным словом *rʒ*, "рот": *rʒ + pr* "дом" = *rʒ pr* "храм", коптское $\bar{p}r\bar{t}\bar{e}^S$; *rʒ + wʒt* "дорога" = *rʒ wʒt* "близость", "соседство", коптское $\rho\lambda\omega\upsilon\epsilon^B$.

4. С начальным *rʒʕ* "состояние" (коптское $\rho\lambda$ -): *rʒʕ + kʒt* "работа" = *rʒʕ kʒt* "в работе"; *rʒʕ + ht* "палка" = *rʒʕ ht* "сражение".

5. С начальным словом *nt* [единственное число женского рода служебного прилагательного *n(j)*]: *nt + ʕ* "рука" = *ntʕ* "обычай"; *nt + htr* "лошадь" = *nt htr* "колесничный".

6. С начальным словом *bw* "место": *bw + ikr* "отличный" = *bw ikr* "совершенство", "отличное качество"; *bw + nfr* "хороший" — *bw nfr* "добро", "благое", "хорошее"; *bw + bin* "зло" = *bw bin* "злое"; *bw + dw* "злое" = *bw dw* "злое".

Разумеется, этим не исчерпываются все способы словообразования в египетском языке. Здесь были приведены лишь самые главные и общеупотребительные.

На протяжении своей многовековой истории словарь египетского языка неоднократно пополнялся иностранными словами. Этот процесс особенно усилился в эпоху Нового царства, когда народ Египта пришел в длительное и тесное соприкосновение с рядом племен и народов, преимущественно семитских, населявших страны восточного побережья Средиземного моря. Семитских слов в египетском языке довольно много (большинство из них собрано в специаль-

⁹⁸ H. Grapow, *Ober die Wortbildungen mit einem Prafix in- im Ägyptischen*, — APAW, Phil.-hist. K1., 1914, № 5.

⁹⁹ Lefebvre, *Grammaire*, § 161.

¹⁰⁰ A. H. Gardiner, *Review of R. Weill, Les decrets royaux de l'Ancien Empire égyptien*, — PSBA, vol. 34, 1912, pp. 257–265.

ном словаре М. Бурхардта¹⁰¹). Некоторые слова перешли в речь египтян из языков племен и народов, обитавших к югу от первого нильского порога.

В свою очередь и многие египетские слова были заимствованы языками других народов, прежде всего семитских. Коптский словарь сохранил примерно 1400 слов из египетского языка¹⁰². Отдельные египетские слова можно найти и в греческом языке. Так, например, слово βῆρις "судно" происходит от египетского *br*; ἔρις "вино" — от египетского *irp*¹⁰³.

В заключение следует упомянуть, что данные египетского [118] и коптского языков (наряду с данными других языков) были использованы основателем глоттохронологии (или лексикостатистики) американским лингвистом М. Сводешом (M. Swadesh) и его последователями для подтверждения их гипотезы. Эта гипотеза заключается в том, что словарный состав каждого языка изменяется не произвольно и не случайно, а с постоянной скоростью, которая математически может быть выражена определенным коэффициентом, и что эти коэффициенты для разных языков близки между собой¹⁰⁴.

§ 18. ЧАСТИ РЕЧИ

Грамматическое описание языка принято начинать с частей речи, так как в грамматике любого языка они играют важную роль. Однако в современной лингвистике нет единого установившегося определения частей речи¹⁰⁵. Положение осложняется еще и тем, что из-за разнообразия языков общей схемы частей речи быть не может. Вот почему для описания каждого языка, в частности конечно, и египетского необходима схема, построенная на данных именно этого языка. В египетской филологии такой вопрос по существу до сих пор не ставился. В капитальных грамматиках А. Эрмана, А. Гардинера и Г. Лефевра эта проблема даже не затронута; в них рассматриваются только отдельные части речи: существительные, местоимения, числительные, наречия, глаголы, предлоги, частицы, междометия. Н. С. Петровский различает части речи (существительные, прилагательные, местоимения, числительные, глаголы, наречия) и частицы речи (предлоги, частицы, связки и междометия)¹⁰⁶. Мы предлагаем следующую классификацию.

I. Знаменательные части речи:

- 1) существительные;
- 2) прилагательные;
- 3) наречия;
- 4) глаголы.

II. Местоимения.

III. Числительные.

IV. Служебные слова:

- 1) предлоги;
- 2) частицы.

V. Междометия. [119]

Однако части речи египетского языка удобнее различать по лексическому, а не по грамматическому аспекту слов, так как большинство слов тождественно с корнем, который выступает в роли разных частей речи в зависимости от своей грамматической функции в каждом данном случае¹⁰⁷. Так, существительные, прилагательные, глаголы и наречия от одного корня часто имеют одинаковый внешний облик. Например *mdw* означает «говорить» и «речь».

¹⁰¹ M. Burchardt, *Die altkanaanäischen Fremdworte und Eigennamen im Ägyptischen*, Leipzig, 1910.

¹⁰² H. Grapow, *Zur Wortbildung des Ägyptischen*, — «Miscellanea Academica Berolinensia», 1950, S. 60.

¹⁰³ П. В. Ернштедт, *Египетские заимствования в греческом языке*, стр. 97, 98.

¹⁰⁴ М. Сводеш, *Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов*, — «Новое в лингвистике», вып. I, М., 1960, стр. 34.

¹⁰⁵ О. Есперсен, *Философия грамматики*, пер. с англ., М., 1958, стр. 62 и сл.

¹⁰⁶ Н. С. Петровский, *Египетский язык*, стр. 88–89.

¹⁰⁷ Разумеется, высказанное утверждение относится только к словам, упоминаемым в текстах, т. е. лишенным огласовки. Увеличение наших знаний о египетской вокализации может опровергнуть это положение.

Основанием для лексического деления служит и отсутствие у перечисленных частей речи морфологических особенностей. Только прилагательные-нисбы имеют определенное, лишь им присущее окончание *i*, а окончание *t*, например, свойственное существительным женского рода, может быть и у глаголов: *swtwt* "гулять".

Необходимо подчеркнуть, что в египетском языке между прилагательным и глаголом отсутствует такое четкое различие, какое нам хорошо известно в русском и ряде других языков.

В египетском языке есть много слов, имеющих одновременно аспект глагола и прилагательного. В Берлинском словаре египетского языка подобные слова определены немецким термином «Eigenschanswort», за которым в скобках следует разъяснение: *Adjektiv und Verbum*. Таковы, например, слова: *šps* "быть прекрасным (ценным)"; *snb* "быть здоровым"; *nfr* "быть хорошим"; *nht* "быть сильным"; *ʕ* "быть большим" и ряд других. Эти слова в роли прилагательного употребляются в качестве определения, в роли глагола — в качестве сказуемого.

С глаголами-прилагательными не следует смешивать предикативные прилагательные (правила их употребления будут рассмотрены ниже): предикативные прилагательные не спрягаются, а глаголы-прилагательные спрягаются так же, как и все другие глаголы.

А. Гардинер высказал предположение, что, может быть, в тех случаях, когда эти слова выступают в качестве определения, следующего за определяемым, перед ними не прилагательное, а форма старого перфекта этих глаголов (об этой форме см. ниже). Как бы то ни было, совершенно ясно, что такие слова (глаголы-прилагательные) имеют два синтаксических аспекта — сказуемого и определения.

Приблизительно подобное явление наблюдается и в современном китайском языке: некоторые его исследователи [120] объединяют глагол и прилагательное в одну часть речи — в так называемый предикатив¹⁰⁸.

Несмотря на это, мы сохраняем традиционное деление частей речи египетского языка, отличая глаголы от прилагательных, так как, во-первых, это гораздо удобнее для практических целей, и, во-вторых, большинство глаголов египетского языка все же не являются глаголами-прилагательными.

§ 19. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

В основу нашего обзора египетской грамматики положены нормы среднеегипетского, так называемого классического языка. Когда же рассматриваются грамматические явления, относящиеся к староегипетскому или новоегипетскому языкам, это оговаривается в каждом случае.

Как уже упоминалось, египетские существительные особых морфологических признаков не имеют и в своем большинстве тождественны с корнями.

Данные коптского языка и некоторые факты, отмеченные в египетских текстах, показывают, что у существительных было три формы: 1) *status absolutus* (когда существительное употреблялось самостоятельно); 2) *status constructus* (когда оно непосредственно стояло перед другим словом); 3) *status pronominalis* (когда существительное соединялось с местоименным суффиксом). В коптском языке эти формы различаются ударением и огласовкой. В египетских же текстах, где никакой огласовки нет, иногда прослеживаются лишь косвенные указания на наличие упомянутых форм¹⁰⁹. Существительные имеют две категории — рода (мужской и женский) и числа (единственное, двойственное и множественное). Уменьшительных и увеличительных форм у существительных нет.

Существительные мужского рода единственного числа определенного окончания не имеют, например: *sn* "брат", *s3* "сын", *pr* "дом". Правда, есть довольно много существительных мужского рода, оканчивающихся на *w*. Признаком существительных женского рода является окончание *t*, например: *snt* "сестра", *s3t* "дочь", *mwt* "мать". Как правило, это окончание пишется до детерминатива. В коптском языке окончание *t* у существительных женского рода в *status absolutus* и в *status constructus* отпало, например: *snt* > **сwne**¹¹⁰. Однако в [121] *status*

¹⁰⁸ А. А. Драгунов, *Исследования по грамматике современного китайского языка*, М., 1952, стр. 10 и сл.

¹⁰⁹ Gardiner, *Grammar*, p. 432; Lefebvre, *Grammaire*, § 112.

¹¹⁰ Lefebvre, *Grammaire*, § 112; Gardiner, *Grammar*, § 85.

pronominalis оно сохранилось. Показателем того, что *t* произносилось, было его повторение после детерминатива перед местоименным суффиксом, например: *ht.t.f*, здесь *t* перед суффиксом *f* — повторение окончания (в новоегипетском в подобных случаях пишется *tw*) Некоторые существительные, например: *dpt* "судно" в status pronominalis иногда принимают окончание *wt*: *dpwt.k* "судно твое".

Но не все существительные, оканчивающиеся на *t*, относятся к женскому роду. У ряда существительных мужского рода конечный звук корня также *t*, но он является не окончанием, а именно частью корня, например: *ht* "дерево", *wmt* "толщина". Вместе с тем названия стран и городов, даже не имеющие окончания *t*, в среднеегипетском языке грамматически трактуются как существительные женского рода¹¹¹ (в староегипетском — как существительные мужского рода).

В двойственном числе существительные мужского рода имеют окончание *wj*, существительные женского рода — *tj*; например: *thnwj* "два обелиска", *sntj* "две сестры". Окончание множественного числа существительных мужского рода *w*, женского рода — *wt*, например: *snw* "братья", *snwt* "сестры". Окончания двойственного и множественного числа пишутся до детерминатива.

В языках, находящихся на ранних стадиях развития, нередко встречается несколько видов множественного числа, выражающих не множество вообще, а конкретную множественность: два, три и даже четыре¹¹². Эти формы могут сосуществовать с обычным множественным числом, которое иногда в таких случаях обозначается словом «много». С эволюцией языка от конкретности к отвлеченности подобные формы множественности отмирают и сливаются с общим множественным числом. О таком развитии свидетельствуют данные многих языков, в частности океанийских. Явные следы этого процесса можно заметить и в египетском языке. В староегипетских текстах множественное число нередко выражается троекратным повторением идеограммы слова или его детерминатива: если же слово пишется не идеографически и без детерминатива, то оно полностью повторяется трижды, например множественное число слова *rn* "имя" писалось *rn rn rn*. К концу эпохи Древнего царства этот громоздкий способ был заменен написанием особого детерминатива множественного [122] числа — трех штрихов или трех кружочков, указывающих, что слово (или его детерминатив) следует читать три раза; соответственно двойственное число стало выражаться двумя штрихами. Однако удвоение и утроение слова, идеограммы или детерминатива, штрихи и фонетическое написание, окончание *w* и *wt* — все это может сочетаться в разных комбинациях и в среднеегипетском языке, причем фонетическое окончание *w* нередко опускается.

Собирательные существительные также писались со штрихами множественного числа. Большинство из них женского рода, т.е. с окончанием (*w*)*t*. Например: *mnmnt* "стадо", *hnt* "пиво", *hmzt* "соль" и т.д. Форму множественного числа имеют и существительные, выражающие отвлеченные понятия, например; *h^cw* "появление", *kbhw* "прохлада", *nfrw* "красота" и т.п.

В новоегипетском языке двойственное число уже не употребляется и заменяется множественным числом. В коптском языке двойственное число встречается только пережиточно и грамматически трактуется как единственное число, например: **спотоу** "губы" ("две губы").

В египетском языке нет склонений с морфологическими показателями. Значения, для передачи которых в других языках служат парадигмы падежей, в египетском языке выражаются порядком слов или служебными словами, предшествующими знаменательным словам.

Тем не менее в грамматиках обычно говорится о наличии в египетском языке родительного, дательного и других падежей.

Родительный падеж различается прямой и косвенный. В конструкции прямого родительного падежа два существительных стоят рядом, при этом первое является управляющим, а второе — управляемым; например: *hrw ksnt* "день несчастья", *dpt mwt* "вкус смерти", *hmt w^cb* "жена жреца". В новоегипетском языке прямой родительный падеж выходит из употребления и сохраняется пережиточно лишь в древних устойчивых словосочетаниях¹¹³. Изменения в огласовке

¹¹¹ J. Clère, *Sur le genre général féminin des noms des villes en ancien égyptien*, — GLECS, t. 3, 1939, pp. 47–49.

¹¹² L. Levy-Bruhl, *Les fonctions mentales des sociétés inférieures*, Paris, 1918, p. 157.

¹¹³ A. Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 200–201.

управляющего существительного в письме не могли быть выражены, так как гласные не выписывались. Но такие изменения были. Об этом свидетельствуют данные семитских языков, а также особенности коптского языка, где при прямом родительном падеже (который встречается только пережиточно в сложных словах) управляющее существительное переходило из status absolutus в status constructus, т.е. [123] теряло свое ударение, и гласный звук его редуцировался; управляемое же существительное оставалось в status absolutus, т.е. в своей неизменной полной форме. Например:

бв-хоегт "лист оливкового дерева", здесь **бв** — status constructus слова **бвбв** (status absolutus) "лист"; **нев-ни** "хозяин дома", здесь **нев** — status constructus слова **ннв** (status absolutus) "хозяин"¹¹⁴.

Косвенный родительный падеж выражается при помощи служебного прилагательного *n(j)*, которое ставится между управляющим и управляемым словами. Это служебное прилагательное происходит от предлога *n* и, изменяясь в роде и числе, согласуется с управляющим словом:

единственное число мужского рода	<i>n(j)</i>
» » женского	» <i>n(j)t</i>
множественное число мужского	» <i>n(j)w</i>
» » женского	» <i>n(jw)t</i>

Например: *dmi n Gbtw* "город Коптос" (этой египетской конструкции точно соответствует французский перевод — *ville de Coptos*): *nsw n(j) Kmt* "царь Египта"; *niwt n(j) nhj* "город вечности"; *hmwt n(jw)t wrw* "жены вельмож"¹¹⁵.

Косвенный родительный падеж иногда выражает качество, т.е. заменяет прилагательное, например: *s n mʕt* "правдивый человек" (букв. "человек правды"). Между управляющим и управляемым словами могут быть и другие слова, например *hkʒ pn Tnw* "правитель этот (страны) Чену".

Дательный падеж всегда образуется при помощи предлога *n* "для", который ставится перед управляемым словом.

Существительное (а также прилагательное, причастие и другие части речи), следующее за предлогом *m*, нередко переводится на русский язык в творительном падеже, например: *hpr m bʒ ʕnhj* "стать душой живой".

В творительном же падеже переводится существительное без предлога, стоящее за прилагательным; например: *ink ʕbʒ ʕwj* "я искусен руками", *ikr shrw* "отличный замыслами".

Указательное местоимение, которое следует за существительным, иногда придает ему значение звательного падежа. Это же относится и к междометию *i* перед существительным, например: *i ʕnhw* "о, живущие"¹¹⁶. Значение звательного падежа может иметь существительное и без указательного местоимения или междометия. [124]

Необходимо отметить, что если два существительных стоят рядом, то это еще не говорит о наличии прямого родительного падежа. Возможны следующие случаи:

1. **А п п о з и ц и я**. Второе существительное поясняет первое; например: *sʒk Hr* "сын твой Хор", *hnkt hbnt 1* "пиво, мера 1". В таком сочетании оба существительных стоят как бы в именительном падеже и воспринимаются независимо друг от друга.

2. **К о о р д и н а ц и я**. В египетском языке нет союза, соответствующего русскому «и» (немецкому *und*, французскому *et*, английскому *and* и т.п.). Такой союз **лѳѳ** появляется только в коптском языке. Поэтому в некоторых случаях два рядом стоящих существительных при переводе можно соединять союзом «и»: *gm.n.i dʒbw iʒrrt im* "нашел я фиги и виноград там".

Подобно существительным, прилагательные не имеют особых морфологических признаков. Как и другие части речи, они тождественны с корнем. Исключение составляют прилагательные-нисбы (распространенные и в семитских языках), которые образуются посредством

¹¹⁴ Lefebvre, *Grammaire*, § 140.

¹¹⁵ Ibid., § 146; Gardiner, *Grammar*, § 86.

¹¹⁶ Lefebvre, *Grammaire*, § 159.

прибавления окончания *j* к существительным и предлогам; например; *ntr* "бог", *ntrj* "божественный", *hr* "на", *hrj* "который на" и т.д.¹¹⁷.

В египетском языке прилагательные (кроме нисб) могут быть сказуемым или определением. В первом случае предикативное прилагательное, не изменяясь, предшествует подлежащему (существительному или зависимому местоимению), во-втором — следует за ним. И в той и в другой роли наиболее часто встречается прилагательное *nfr*: как сказуемое оно переводится "быть хорошим", как прилагательное "хороший". Например: *nfr mtn.i* "хорош путь мой", *nfr pr.i* "хорош дом мой", *nfr tw hn^c.i* "хорошо тебе со мной", *hrw nfr* "день хороший", *ntr nfr* "бог благой". Прилагательное согласуется в роде и числе со словом, которое им определяется: грамматические окончания у прилагательных те же, что и у существительных.

Степени сравнения не имеют специальных форм. Сравнительная степень передается при помощи предлога *r* "больше чем", например: *wr mnw.k r nsw nb hpr* "(памятники) твои больше, чем (памятники) всякого царя, бывшего (до сих пор)". [125]

Превосходная степень выражается различными способами. Например: *wr wrw* "наибольший (из) больших", *wr imj s^chw* "величайший среди благородных" и т.д.

§ 20. ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Личные местоимения делятся на три группы: местоименные суффиксы, зависимые местоимения и независимые местоимения.

Местоименные суффиксы

Эти личные местоимения никогда не употребляются самостоятельно, они всегда связаны с другими словами.

Единственное число		
1-е лицо	<i>i</i>	"я", "мой"
2-е » мужского рода	<i>k</i>	"ты", "твой"
2-е » женского »	<i>t, t</i>	"ты", "твой"
3-е » мужского »	<i>f</i>	"он", "его"
3-е » женского »	<i>s</i>	"она", "ее"
Множественное число		
1-е лицо	<i>n</i>	'мы', 'наш'
2-е »	<i>tn, tn</i>	'вы', 'ваш'
3-е »	<i>sn</i>	'они', 'их'

В староегипетских текстах встречается и двойственное число местоименных суффиксов:

1-е лицо	<i>nj</i>	"мы (двое, оба, две, обе)", "наш (двоих, обоих, обеих)"
2-е »	<i>tnj</i>	"вы (двое, оба, две, обе)", "ваш (двоих, обоих, обеих)"
3-е »	<i>snj</i>	"они (двое, оба, две, обе)", "их (двоих, обоих, обеих)"

В среднеегипетском языке эти формы чрезвычайно редки и являются архаизмами.

Местоименный суффикс 1-го лица единственного числа большей частью выражается знаком , но иногда он передается иероглифами, представляющими божество, царя или женщину (когда речь ведется от имени божества, царя или женщины). Иероглиф, изображающий женщину, начинает употребляться как суффикс 1-го лица только в текстах [126] XIX династии. Изредка суффикс 1-го лица единственного числа пишется знаком или просто чертой еще реже — знаком .

Суффиксы 2-го и 3-го лица единственного числа мужского рода *k* и *f* и суффикс 3-го лица единственного числа женского рода *s* сочетаются с окончанием двойственного числа *j*, когда они следуют за словами, обозначающими парные предметы. Например: *irtj.kj* "глаза твои", *swj.fj*

¹¹⁷ Ibid., § 178.

"руки его", *msdrwj.fj* "уши его", *gswj.kj* "твои оба бока" (*gs* "бок", "сторона", подразумевается, что все имеет по крайней мере две стороны, два бока)¹¹⁸.

В поздних новоегипетских текстах суффикс 3-го лица единственного числа женского рода пишется в форме *sw*¹¹⁹.

Местоименные суффиксы 2-го и 3-го лица множественного числа *tn* (позднее *tn*) и *sn* нередко встречаются без детерминатива множественного числа — трех штрихов. Начиная с текстов XVIII династии в качестве суффикса 3-го лица множественного числа вместо *sn* стал употребляться суффикс *w* (в коптском **ⲱ**).

В египетском языке существует безличное местоимение *tw* (в староегипетском *tj*), имеющее такое же значение, как французское местоимение *on* или немецкое *man*. Оно выступает в роли местоименного суффикса, зависимого местоимения и нового независимого местоимения (в форме *twtw*). В новоегипетском и коптском вместо него нередко употребляется суффикс 3-го лица множественного числа *w* (**ⲱ**)¹²⁰.

Как правило, суффиксы пишутся после детерминатива слова (исключения составляют отдельные написания в староегипетских текстах).

Местоименные суффиксы употребляются:

1) в качестве подлежащего в финитных формах глагола, например: *sdm.i* "слушаю я", *sdm.k* "слушаешь ты", *sdm.f* "слушает он" и т.д.;

2) как притяжательное местоимение после существительных (и их эквивалентов), например: *pr.i* "дом мой", *pr.k* "дом [127] твой";

3) в роли косвенного дополнения после предлогов, например: *dd.fn.i* "говорит он мне";

4) в качестве подлежащего или прямого дополнения после сказуемого-глагола в форме неопределенного наклонения.

Зависимые местоимения (по английской терминологии — *dependent pronouns*, по немецкой — *altes Pronomenab solutum*)

Единственное число		
1-е лицо	<i>wi</i>	"я", "меня"
2-е » мужского рода	<i>tw, tw</i>	"ты", "тебя"
2-е » женского »	<i>tn, tn</i>	"ты", "тебя"
3-е » мужского »	<i>sw</i>	"он", "его"
3-е » женского »	<i>sj, (st)</i> ¹²¹	"она", "ее"
Множественное число		
1-е лицо	<i>n</i>	"мы", "нас"
2-е »	<i>tn, tn</i>	"вы", "вас"
3-е »	<i>sn, st</i>	"они", "их"

Эти местоимения названы зависимыми потому, что они зависят от другого слова, самостоятельно не употребляются и не начинают предложения (исключение составляют формы 3-го лица в архаических и архаизирующих текстах)¹²².

У зависимых местоимений, так же как и у местоименных суффиксов, часто опускается показатель множественного числа — три штриха. Редкие формы двойственного числа, совпадающие с формами двойственного числа местоименных суффиксов, встречаются тоже только в древнейших текстах. В роли подлежащего зависимые местоимения употребляются в предложениях с неглагольным сказуемым:

а) в предложении с адвербиальным сказуемым, например:

mk wi m-b^ch.k "вот я перед тобой";

¹¹⁸ Lefebvre, *Grammaire*, § 75–76.

¹¹⁹ A. Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 74; K. Piehl, *ⲗ^e pronom-suffixe des basses époques*, — «Sphinx», vol. I, 1887, p. 68.

¹²⁰ A. Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 86, 269.

¹²¹ Необходимо отметить, что зависимое местоимение 3-го лица женского рода *st* в среднеегипетском языке имело также значение «это» (т. е. выражало средний род). Например: *dd.f st* "говорит он это". Иногда такую же функцию выполняет и суффикс 3-го лица единственного числа женского рода *s*. В новоегипетском для этой цели употреблялся суффикс 3-го лица единственного числа мужского рода *f*.

¹²² Gardiner, *Grammar*, p. 424 (§ 115A).

б) в предложениях, в которых сказуемым является старый перфект, например: *mk wi ij.kwj* "вот я пришел";

в) в предложениях с предикативными прилагательными, например: *nfr s(j) r hmt nbt* "прекраснее она, чем любая женщина".

Следует подчеркнуть, что в первых двух случаях перед зависимым местоимением-подлежащим обязательно должна [128] стоять или какая-нибудь частица (*mk* "вот", *nn* "нет" и др.) или относительное местоимение (*ntj* "который", *ntt* "что" и др.).

В качестве прямого дополнения зависимые личные местоимения употребляются после различных финитных глагольных форм и после причастий, например: *h3b.k wi* "посылаешь ты меня"; в роли косвенного объекта эти местоимения не применяются.

Зависимые местоимения выражают значение возвратных местоимений, а также употребляются после императива: *ts sw* "подними его"¹²³.

Независимые местоимения

Независимые местоимения обычно стоят в самом начале предложения.

Следует отметить, что староегипетские и среднегипетские формы независимых местоимений не тождественны, как это видно из приводимой парадигмы.

	Староегип. формы	Среднегип. формы	
	Единственное число		
1-е лицо	<i>ink</i>	<i>ink</i>	"я"
2-е » мужского рода	<i>twt</i>	<i>ntk</i>	"ты"
2-е » женского »	<i>tmt</i>	<i>ntt, ntt</i>	"ты"
3-е » мужского »	<i>swt</i>	<i>ntf</i>	"он"
3-е » женского »	<i>stt</i>	<i>nts</i>	"она"
	Множественное число		
1-е лицо	не засвидетельствовано	<i>inn</i>	"мы"
2-е »	<i>nttn</i>	<i>nttn, nttn</i>	"вы"
3-е »	<i>ntsn</i>	<i>ntsn</i>	"они"

В новоегипетском языке наряду с формой 3-го лица множественного числа *ntsn* применяется форма *ntw*.

Независимые местоимения никогда не употребляются в роли дополнения, они могут быть только подлежащим. Независимые местоимения часто встречаются в предложениях со сказуемым-существительным, например: *ink it.k* "я отец твой", *ntf s3.s* "он сын ее".

Местоимение 1-го лица единственного числа *ink* употребляется как подлежащее в предложениях, где сказуемым является [129] прилагательное, следующее за местоимением, например: *ink bnr it pr nb.f* "я приятен для дома владыки своего"; *ink nfr* "я хорош". В адвербиальных предложениях независимые местоимения не применяются.

В роли подлежащего независимые местоимения встречаются и в сочетании с глагольной формой *sdm.f*, имеющей свое собственное подлежащее, например: *ntf dd.f st*, букв. "он, скажет он это"¹²⁴.

Наконец, как логическое подлежащее независимое местоимение (наряду с местоименным суффиксом) употребляется в предложениях со сказуемым инфинитивом, например: *dd st ntf* "говорит это он" (букв. "говорение этого им"), где форма *dd* "говорение" — глагол в неопределенном наклонении¹²⁵.

Независимые местоимения применяются для выражения притяжательности, например: *ntk nbw* "твое золото", *ink sj* "моя она".

В новоегипетском языке независимые местоимения также употребляются в роли притяжательных, причем они пишутся после определяемого существительного, например: *w^c pr ink* "один дом мой". В заключение необходимо упомянуть, что староегипетские независимые мес-

¹²³ Ibid., § 339.

¹²⁴ Lefebvre, *Grammaire*, § 92; Gardiner, *Grammar*, § 64–65.

¹²⁵ Lefebvre, *Grammaire*, § 92; Gardiner, *Grammar*, § 300.

тоимения 2-го и 3-го лица единственного числа мужского рода *twt* и *swt* в новоегипетском «оживают» и используются, как и *ink*, в качестве притяжательных местоимений¹²⁶.

Новые независимые местоимения

В текстах XVII династии появляются новые формы независимых местоимений:

Единственное число		Множественное число	
1-е лицо	<i>twi</i>	1-е лицо	<i>twn</i>
2-е » мужского рода	<i>twk</i>	2-е »	<i>twtn</i>
2-е » женского	<i>twt</i>	3-е »	<i>st</i>
3-е » мужского	<i>sw</i>		
3-е » женского	<i>sj</i>		

В новоегипетском языке такие формы широко применяются как подлежащее адвербиальных предложений, а также в глагольной конструкции. [130]

§ 21. МЕСТОИМЕНИЯ УКАЗАТЕЛЬНЫЕ, ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ, ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ

В египетском языке существует несколько видов указательных местоимений:

Единственное число мужского рода		Единственное число женского рода		Множественное число	
<i>pw, pwj</i>	"этот"	<i>tw, twj</i>	"эта"	<i>nw</i> ¹²⁷	"эти"
<i>pn</i>	"этот"	<i>tn</i>	"эта"	<i>nn</i> ¹²⁸	"эти"
<i>pf, pfj, pf3</i>	"тот"	<i>tf, tf3</i>	"та"	<i>nf, nf3</i>	"те"
<i>p3</i>	"этот"	<i>t3</i>	"эта"	<i>n3</i>	"эти"

Как видно из приведенной парадигмы, у всех этих местоимений характерный признак мужского рода — фонема *p*, признак женского рода — фонема *t*, признак множественного числа — фонема *n*. Местоимения множественного числа по происхождению, видимо, являются местоимениями единственного числа¹²⁹.

Местоимения *pw, pwj, tw, twj, pn, tn* следуют за словом, к которому они относятся, например: *ntr pwj 3* "бог этот великий", *pr.k pn nfr* "дом твой этот хороший". Местоимения *pf, pfj, pf3, tf, tf3* ставятся и до этого слова и после него, а *p3, t3* всегда предшествуют ему, например: *m t3 3t* "в этот момент". Местоимение *pw* (также *pn* и *p3*) может придавать существительному значение, соответствующее звательному падежу, например: *hk3j pw* "о, маг".

Формы множественного числа обычно связываются с последующим словом, с которым они согласуются посредством прилагательного *n(j)*, например: *w^c m nn n shtj* "один из этих жителей оазиса", *nw n ntrw* "эти боги" (позже это *n* нередко выпадает — *nw ntrw*).

Местоимения *p3, t3, n3* постепенно теряли свое значение указания и превратились в определенные артикли, подобные французским *le, la, les*, немецким *der, die, das*, английскому *the*. Именно в таком значении они встречаются в текстах XVIII династии. Здесь уместно сказать, что артикль можно уже обнаружить в среднеегипетском языке, например в Папирусе Весткар.

Широкое распространение получает артикль в новоегипетском языке, где его функции очень существенны. Он [131] выражает категории определенности или неопределенности (в последнем случае употребляется артикль *w^c n*, образовавшийся из числительного *w^c* "один"). Определенный артикль служит для грамматического определения сопровождаемого слова, т.е. он является показателем существительного (или его эквивалентов в предложении). При помощи артикля различаются число и грамматический род сопровождаемого слова, что, естественно, способствует отмиранию морфологических показателей рода у существительных. Когда ар-

¹²⁶ А. Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 107–108, 109.

¹²⁷ В староегипетском языке имелись также особые формы для множественного числа мужского и женского родов: *ipw* и *iptw*.

¹²⁸ Архаическая форма множественного числа мужского рода — *ipn*, женского — *iptn* или *ptn*. Здесь мы опускаем некоторые другие староегипетские варианты этих местоимений и формы двойственного числа.

¹²⁹ Lefebvre, *Grammaire*, § 94; Gardiner, *Grammar*, § 110.

тилькь предшествует целому предложению, последнее рассматривается синтаксически как существительное, например: *t3 ntj hr s^cnh ib.i* "которая оживляет сердце мое".

От этих же указательных местоимений (в форме *p3j, t3j, n3j*) произошли путем добавления к ним местоименных суффиксов особые притяжательные местоимения: *p3j.i* "мой", *t3j.i* "моя", *n3j.i* "мои" и т.д. Они встречаются уже в среднеегипетском народном языке, например, в деловых Кахунских папирусах (Р. Kahun, 12, 10; 12, 12; 36, 41 и др.), в литературном Папирусе Весткар, а также в «Повести о красноречивом селянине» (В, 2, 128). Однако широко применяться притяжательные местоимения начинают лишь в новоегипетском языке¹³⁰.

Наконец, из среднеегипетских указательных местоимений образовались выражения *p3-n* и *t3-n*, которые точно переводятся французскими *celui de, celle de*.

К вопросительным местоимениям относятся: *m* "кто", "что"; *n-m* (из *in m*) "кто", "что"; *sj* "кто", "что", "какой", "что за"; *isst* "что", *ptr* (из *pw-tr*) "кто", "что"; *ih* (коптское **ⲁⲮ**) "что", "почему".

На всех этапах развития египетского языка важную роль играли относительные местоимения, которые бывают положительными и отрицательными. Формы их следующие:

Положительные относительные местоимения

Единственное число		Множественное число	
мужской род	<i>ntj</i>	"которые"	мужской род <i>ntjw</i> "которые"
женский »	<i>nt(j)t</i>	"которая"	женский » <i>nt(jw)t</i> "которые"

Отрицательные относительные местоимения

мужской род	<i>iwtj</i>	"которые не"	мужской род <i>iwtjw</i> "которые не"
женский »	<i>iwt(j)t</i>	"которая не"	женский » <i>iwt(jw)t</i> "которые не"

[132]

Положительное относительное местоимение *ntj* "который" является нисбой от служебного прилагательного женского рода *n(j)t*. Выражение *ntj nb* значит «всякий», «каждый»; *ntt nb* — «все что»; наконец, слова *ntt iwtj* значат «все то, что есть и чего нет».

Местоимение *ntj* употребляется в значении союза «что». В коптском языке египетскому *ntj* соответствует **Ⲉⲧ-**, **ⲈⲧⲈ-**,

§ 22. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

У египтян была десятичная система счисления. Единицы с 1 по 9 передавались штрихами: I 1, II 2, III 3 и т.д. Число 10 выражалось знаком \cap (нуль в этой системе не обозначался), 100 — знаком $\textcircled{10}$, 1000 — знаком $\textcircled{100}$, 10 тысяч — знаком $\textcircled{1000}$, 100 тысяч — знаком $\textcircled{10000}$; наконец, миллион и больше — знаком $\textcircled{1000000}$. При передаче многозначных чисел сначала писались высшие разряды, потом низшие, например: 618 $\textcircled{1000} \textcircled{100} \textcircled{10} \textcircled{1} \textcircled{1} \textcircled{1}$.

Приведем египетские и соответствующие коптские названия чисел (количественные числительные):

1	<i>w^c(jw)</i> ¹³¹	ⲟⲩⲁ	50	<i>dijw</i>	ⲧⲁⲓⲟⲩ
2	<i>snw(j)</i>	ⲤⲚⲁⲩ	60	<i>si(sjw)</i> или <i>sr</i>	ⲤⲈ
3	<i>hmt(w)</i>	ⲮⲟⲙⲚ̄	70	<i>sfl(jw)</i>	ⲮⲢⲈ, ⲮⲨⲈ
4	<i>fdw</i>	Ⲣⲧⲟⲟⲩ	80	<i>hmn(jw)</i>	ⲒⲙⲎⲈ
5	<i>diw</i>	ⲧⲟⲩ	90	<i>psdjw</i>	ⲢⲤⲁⲓⲟⲩ
6	<i>sisw (srsw)</i>	Ⲥⲟⲟⲩ	100	<i>st</i>	ⲮⲈ
7	<i>sfl(w)</i>	ⲤⲁⲮⲢ	1 000	<i>h3</i>	Ⲯⲟ
8	<i>hmn(w)</i>	ⲮⲙⲟⲩⲚ	10 000	<i>db^c</i>	ⲧⲨⲁ
9	<i>psd(w)</i>	Ⲣⲧⲧ, ⲢⲧⲤ	100 000	<i>hfn</i>	(коптского названия нет)
10	<i>md(w)</i>	ⲙⲚⲧ		<i>hh</i>	ⲒⲁⲒ "много"
20	<i>dwj(?)</i>	ⲮⲟⲩⲮⲧ	1 000 000		
30	<i>m^cb3</i>	ⲙⲁⲁⲨ			
40	<i>hmw</i>	ⲒⲙⲈ			

¹³⁰ Lefebvre, *Grammaire*, § 109–110.

¹³¹ Окончания, указанные в скобках, рано отпали.

Число, выраженное цифрой, писалось обычно после слова, с которым оно согласуется, например: *mḥ 1* "локоть 1", *msdr.f 2* "оба его уха" (букв. "уха его 2")¹³². При этом существительное ставилось большей частью в единственном числе. Когда [133] существительное определено указательным или притяжательным местоимением, последнее всегда приводится в единственном числе, даже если существительное стоит во множественном, например: *p3 s 2* "человека 2", *hrw 3 pn* "дня 3 эти", *p3.i hrw 4* "моих детей четверо". Обычно местоимение согласуется с родом существительного, если же существительное отсутствует, то местоимение имеет форму мужского рода единственного числа, например: *p3 21* "двадцать один". Только при числах 100 (*št* женского рода) и 1000 (*ḥ3* мужского рода) местоимение согласуется с родом числительного, а не существительного: *t3 t št* "хлебов сто", *p3 t ḥ3* "хлебов тысяча". Способ передачи числительных заимствован из счетных документов, которые писались так же, как и у других народов: сначала название предмета в единственном числе, потом число, указывающее, о каком количестве этих предметов идет речь. Несомненно, такой порядок слов применялся только в письме, в устной речи количественное числительное предшествовало существительному, к которому относится.

Количественные числительные с 1 по 9 могли иметь форму мужского и женского рода, например: *wᶜ* "один" и *wᶜt* "одна".

Количественное числительное «один», написанное фонетически, либо следовало непосредственно за существительным, к которому относится, либо предшествовало ему; в последнем случае оно было связано с существительным служебным прилагательным *n(j)*: *wᶜ n dmi* "один город", *wᶜ n k3k3w* "одно судно". Конструкция с *n(j)* распространилась в новоегипетском языке и на другие числительные.

Числительные *ḥ3* "тысяча" и *ḥḥ* "миллион", "неисчислимо множество" иногда предшествует существительному, которое они исчисляются, и связаны с ним либо служебным прилагательным *n(j)*, либо предлогом *m*; например: *ḥ3 m t* "тысяча в хлебах"; *ḥḥ pn n rnpwt* "миллион этот лет".

Из числительного *wᶜ*, как уже упоминалось, развился неопределенный артикль *wᶜ n*, соответствующий французскому *un*, английскому *a*, немецкому *ein*¹³³.

Числительное *snw(j)* "два" фонетически близко к существительному *sn* "брат", возможно, оба слова семантически связаны между собой: ведь брат является вторым (*sn.nw*) по отношению к другому брату (ср. русское «друг-другой»), а форма двойственного числа от слова «брат» — *snwj* тождественна форме *snw(j)*.

Порядковые числительные от «второй» до «девятой» образуются от количественных числительных, к которым прибавляются [134] суффиксы *nw* (для мужского рода) и *nwt* (для женского рода), например: *ḥmt* "три", *ḥmt.nw* "третий". Для порядкового числительного «первый» существует особое слово *tpj* (*tpt* "первая"). В новоегипетском языке вместо него прибавляется слово *ḥ3wj*, сохранившееся в коптском языке в виде ϩⲟϥⲉⲓⲧ ^S. Начиная с числительного «десятый», порядковые числительные образуются посредством причастий *mḥ* (для мужского рода) и *mḥt* (для женского рода), означающих «наполняющий», «дополняющий». Такое причастие предшествует количественному числительному, например: *wdjt mḥt 10* "поход десятый". Порядковые числительные обычно ставятся после существительного, к которому относятся, но могут вместе со служебным прилагательным *n(j)* и предшествовать ему: *5-nw n ḥb* "пятый праздник"¹³⁴.

Дроби у египтян выражались при помощи слова *r* (коптское ⲣⲉ), означающего «часть». Под ним цифрами выписывалось, какая именно часть целого имеется в виду. Например: $\frac{\text{ⲓⲓ}}{\text{ⲓⲓⲓ}}$ 1/7; $\frac{\text{ⲓ}}{\text{ⲓⲓ}}$ 1/10 и т.д. Единица (т.е. *r* "часть") была числителем у всех дробей, за исключением $\frac{\text{ⲓⲓ}}{\text{ⲓⲓⲓ}}$ *rwj* 2/3 (букв. "две части от трех целых") и $\frac{\text{ⲓⲓⲓ}}{\text{ⲓⲓⲓⲓ}}$ 3/4 (букв. "три части от четырех целых"). Для 1/2 имелся специальный знак Ⲙ *gs* (букв. "сторона", "бок")¹³⁵.

¹³² В примерах, данных в транслитерации, египетские цифры заменены общеупотребительными арабскими.

¹³³ Lefebvre, *Grammaire*, § 300; Gardner, *Grammar*, § 262.

¹³⁴ Gardiner, *Grammar*, § 262.

¹³⁵ Lefebvre, *Grammaire*, § 210–211.

В заключение этого раздела следует подробнее остановиться на иероглифе, обозначающему цифру 10 000. Его история проливает свет на происхождение египетской системы числительных. Общеизвестно, что система счета первобытных народов в ряде случаев связана с рукой. Прямое указание на существование счета по пальцам мы имеем в некоторых египетских религиозных текстах¹³⁶. Подобный способ счета должен был выработать прочную ассоциацию между определенными числами и определенными пальцами. Однако в египетском языке для обозначения 10 000, т.е. числа, которое пальцами передано быть не может, применялся иероглиф , изображающий палец $\left\| \right\|$. Возникает вопрос, как и почему это могло произойти? Здесь мы подходим к понятию предельного числа, отлично освещенному Л. Леви-Брюлем на основании данных языков Меланезии. В своей работе Л. Леви-Брюль приводит наблюдения Кодрингтона: [135] «Слово, первоначальное значение которого мы не можем установить, но которое выражает предельное число, естественно, увеличивает свое численное значение по мере развития счисления и обозначает большее число, чем раньше. Так например, в Сабо слово *tale*, или *sale*, значит 10, а на островах Торресова пролива 100. Это, несомненно, одно слово в обоих случаях. Некогда в Менгоне слово *tini* могло означать 3 — крайний предел местного счета, на островах Фиджи оно значит 10, а в языке маори — 10000 ... Слово *tar* в некоторых языках означает "много", в других — 10, а в третьих — 1000»¹³⁷. На такое же явление указывает и Н. Я. Марр: «Самое число "десять", а следовательно и "пять" одно время означало "много". В свою очередь с развитием производства и расширением человеческого горизонта мышления это "много", очевидно, в свое время перешедшее на 10, постепенно переходило на 100 на 1000 и 10000»¹³⁸.

В свете приведенных фактов ясно, что египетское количественное числительное *db^c* — 10 000 прошло подобный же путь развития. Доказательством тому служит и текст в кенотафе Сети I в Абидосе, где говорится о пятом часу ночи. Как правильно указал Л. Борхардт, обративший внимание на этот текст, написание слова «пятый» знаком пальца свидетельствует о том, что такое обозначение существовало в глубокой древности и не было еще забыто во время написания текста, т.е. в XIV в. до н. э.¹³⁹. Не менее убедительные доказательства представляют данные других семито-хамитских языков, близких к египетскому¹⁴⁰:

египетское *db^c* "палец" = 1000 = *dubw* (в хауса)

египетское *db^c* "палец" = 10 = *tamun* (в беджа) = *toban* (в сомалийском) = *taban* (в афар).

§ 23. НАРЕЧИЯ, ПРЕДЛОГИ, ЧАСТИЦЫ, МЕЖДОМЕТИЯ

Слова, имеющие значение наречий, по своему происхождению весьма разнообразны. Подлинных наречий, таких, как *ʕ* "здесь", *min* "сегодня", *rsj* "совсем", *gr* "тоже", *tn* "откуда", "где", в египетском языке немного. В качестве наречий нередко [136] используются существительные, выражающие время, например: *dt* значит «вечность» и «вечно», *dw3w* «утро» и «завтра». В роли наречий употребляются также прилагательные, глаголы, предлоги (*nfr* означает «хороший» и «хорошо», *3s* «спешить» и «спешно», *hn^c* — «с» и «вместе») и производные от предлогов (*im* — "там" — производное от предлога *m* "в"). Имеются наречия, образованные путем соединения предлога *r* с прилагательным; например: *r ikr* "чрезвычайно" (от прилагательного *ikr* "отличный"), *r mnḥ*. "превосходно" (от прилагательного *mnḥ* "превосходный"). Довольно распространены наречия типа *mi kd.f* "целиком" (букв. "как образ его"), *r dr.f* "целиком", "полностью" (букв. "до предела его").

Наконец, как наречия используются сложные предлоги: *r hnt* "впереди", *m ht* "затем" и т.д.

Наречия не имеют сравнительной и превосходной степеней, оформленных морфологически. Эти степени образуются описательно такими же способами, как степени сравнения прилагательных. Значение сравнительной степени чаще всего создается при помощи предлога *r*, наречия *wrt* "очень", повтора *sp snw* (букв. "два раза") и выражения *r ht nbt* "больше чем что-либо".

¹³⁶ Urk. V, Ss. 146–160; K. Sethe, *Ein altägyptischer Fingerzählreim*, — ZÄS, Bd 54, 1918, Ss. 16–17; B. Gunn, *Fingernumbering in the Pyramid Texts*, — ZÄS, Bd 57, 1922, S. 71.

¹³⁷ L. Levy-Bruhl, *Les fonctions mentales des sociétés inférieures*, p. 210.

¹³⁸ Н. Я. Марр, *О числительных*, — Избранные работы, т. III, Л., 1934, стр. 274.

¹³⁹ L. Borchardt, *Db^c 'Daumen'* — ZÄS, Bd 73, 1937, Ss. 119–120.

¹⁴⁰ М. Korostovtsev, *L'hiéroglyphe pour 10.000*, — BIFAO, t. 45, 1947, pp. 81–88.

В предложениях наречие может выполнять функции определения и сказуемого. В качестве определения наречие определяет глагол (либо другую часть речи) или все предложение в целом, например: *ij.n.i min* "пришел я сегодня". В роли сказуемого наречие (или заменяющий его оборот) очень часто встречается в неглагольных предложениях. Как правило, наречие стоит в конце предложения.

Предлоги, являясь служебными словами, выражают подчинение между членами предложения и в известных случаях выполняют функции союзов, не существующих в египетском языке. Предлоги могут сочетаться с местоименными суффиксами и образуют таким образом косвенное местоименное дополнение, например: *n.f* "ему".

Предлоги бывают простые и сложные.

Ряд простых предлогов произошел от означавших отдельные части человеческого тела существительных, которые потеряли свои номинативные функции и превратились в чисто служебные слова. Таковы, например, предлоги *hr* "на" (от существительного "лицо"), *tp* "на" (от существительного "голова"), *h3* "за" (от существительного "затылок").

Сложные предлоги обязательно состоят из простого предлога и какой-либо иной части речи, например существительного или даже глагола. Для египетских предлогов характерна многозначность. [137]

Из простых предлогов наиболее распространены следующие: *n* (в коптском \bar{n} -, $n\lambda$; первая форма — status constructus — употребляется с существительными и другими частями речи, вторая — status pronominalis — с местоименными суффиксами) имеет много значений, основное из них — указание на косвенный объект (в значении дательного падежа);

m, перед местоименными суффиксами *im* (в коптском \bar{m} -, $m\omega$) — главное значение «в»; из многих других значений особенно важное — указание на тождественность предметов (*m* тождества) или «*m* предикативности»);

r, перед суффиксами иногда *ir* (в коптском ϵ -, $\epsilon\rho$) — основные значения: «к» (передает направление движения), «против», «больше, чем», «соответственно»;

hr (в коптском \mathfrak{r}) — основное значение «на»; часто встречается и в значениях «из», «из-за», «за», «с»;

hr (в коптском $\mathfrak{r}\lambda$ -, $\mathfrak{r}\rho$) употребляется в значении «под», «у», «при» и др.;

hr (в коптском $\omega\lambda$) — «при (том-то)» (указывает время), «с», «к» (передает направление); этот предлог также выражает дательный падеж: *rdi hr* "давать (кому-либо)", *dd hr* "говорить (кому-либо)";

hft "перед", "соответственно";

in (не смешивать с частицей *in*) — применяется только после глаголов в неопределенном наклонении или страдательном залоге для обозначения деятеля (субъекта);

mi "как", "подобно";

hn^c "с (кем-либо)";

h3 "за", "вокруг";

tp "на";

hnt "перед", "впереди";

ht "в", "по", "через";

dr "с (такого-то времени)";

imjtw "между", "среди";

Из сложных предлогов для примера приведем следующие:

n-ib-n "по причине";

m-isw "вместо";

m-^cb "с (кем-либо)";

m-b3h "перед";

m-h3t "перед";

r-db3 (в коптском ϵ тв ϵ -, ϵ твннт) "взамен", "вместо";

m-hnw "внутри".

Все эти сложные предлоги образованы сочетанием простых предлогов с существительными или глаголами (*ib* "сердце", *isw* "возмещение", *h3t* "передняя часть", *^cb* "объединять", *db3* "заменять" и т.д.). [138]

Частицами называются служебные слова, которые выполняют разнообразные грамматические функции. Некоторые «модальные» частицы (типа русских частиц «ведь», «же», «ни», «не», «бы», «ли») передают отношение говорящего к своим словам, выражают сомнение, отрицание, условие, желание и, таким образом, могут обозначать наклонение глагола. Например: *ir* вводит условные предложения, *ih* перед формой *sdm.f* выражает пожелание, весьма распространенные частицы *n* и *nn* — отрицание.

Вообще же частицы имеют самые разные значения, и иногда даже такие, которые очень трудно передать при переводе¹⁴¹. Однако в ряде случаев их значения вполне ясны.

Обычно в грамматиках египетского языка частицы делятся па две группы не по значению, а по формальному признаку: 1) неэнклитические частицы (или проклитики), стоящие в начале предложения; 2) энклитические частицы, место которых после первого или после нескольких первых слов предложения.

Наиболее употребительные из неэнклитических частиц:

in — вводит конструкцию: существительное + глагольная форма *sdm.f*, выражающую будущее время; вводит причастную конструкцию; иногда вводит вопросительные предложения, имея значение «разве»;

ir "если", "что касается";

ih — употребляясь перед глагольной формой *sdm.f*, придает ей значение пожелания (не смешивать с вопросительным местоимением *ih*);

ist (варианты *ist*; *st*; в архаической форме — *isk*, *sk*) "вот", "же", "ведь", иногда в начале придаточного предложения означает «когда»;

m.k, *m.t*, *m.tn* — здесь собственно частицей является *m*, за которой следуют суффиксы 2-го лица единственного и множественного числа; нередко переводится «смотри(те)». Однако в правильности такого перевода можно усомниться. Как указывает Г. Грапов, *m.k* вовсе не значит «смотри»¹⁴². Если в одних случаях перевод «смотри» действительно соответствует контексту, то в ряде других он явно не подходит, и *m.k* нужно переводить «ты», или точнее, «вот тебе». Эта частица служит [139] для привлечения внимания к тому, что в предложении непосредственно за ней следует.

n и *nn* — частицы отрицания¹⁴³;

nḥmn "действительно", "конечно";

h3, *ḥw(j)* — имеют условное или желательное значение «если бы», «хотя бы»;

smwn "может быть";

ii "вот", "когда".

Энклитические частицы:

3 — имеет значение «ведь», «же»; во многих случаях не переводится;

is "ведь";

ʿwj — употребляясь после прилагательных или причастий, придает им восклицательный оттенок, например: *nfr ʿwj* "какой хороший" или "как хорошо";

wnnt "действительно", "ведь";

ms "же";

r — усиливает и подчеркивает те слова, после которых стоит; это частица, так же как *m.k*, варьирует свою форму принимая разные суффиксы: *r.i*, *r.k*, *r.t*, *r.tn*;

ḥm "конечно";

swt "зато", "но";

grt "далее";

¹⁴¹ А. А. Реформатский, *Введение в языковедение*, М., 1960, стр. 240; Ж. Марузо, *Словарь лингвистических терминов*, М., 1960, стр. 334.

¹⁴² Н. Грапов, *Wie die alten Ägypter sich anredeten, wie sie sich grüssten und wie sie miteinander sprachen*, Bd I, Berlin, 1939, Ss. 32–33.

¹⁴³ Помимо этих отрицаний, в среднеегипетских текстах изредка встречаются староегипетские отрицания *hfr n*, *nfr pw*, *wdf*, которые не являются частицами. Выражение *n sp* (частица *n* + *sp* букв. "раз") значит «никогда». Новоегипетский язык имеет свои отрицания — *bw*, *bn*, *mn*.

tr "конечно", "ведь";

w — отрицание, употреблявшееся в староегипетском языке и только один раз отмеченное в среднегипетском¹⁴⁴.

Предлагаемые переводы частиц в значительной степени условны и лишь приблизительно передают их значение.

Междометий в египетском языке очень мало. Часто встречаются междометия *i* "о!", *h3* "о!" *hj* "привет".

¹⁴⁴ Gardiner, *Grammar*, § 351–352A.